

М. Лютый

Истоки державности.
Бояре Рюрика

Книга 1

16+

М. ЛЮТЫЙ

**Истоки державности.
Книга 1. Бояре Рюрика**

«Автор»

2021

М. Лютый

Истоки державности. Книга 1. Бояре Рюрика / М. Лютый —
«Автор», 2021

Начало девятого века – раннее средневековье... Ребёнку, оставшемуся сиротой, предстоит стать воином, который отомстит данам – убийцам своего отца, потрясти устои многочисленных королевств будущей Англии, а также способствовать подрыву могущества империи франков. Из-за страха перед ним христианский мир назовёт его «язвой христианства». О молодых годах князя Рюрика, о реальных событиях, происходящих в это время и облачённых в художественный вымысел, рассказывается в этой книге.

© М. Лютый, 2021

© Автор, 2021

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

43

М. Лютый

Истоки державности.

Книга 1. Бояре Рюрика

Предисловие

9 век – особый век нашей истории, век рождения нашей государственности, век разбойных походов дружин викингов и варягов, которые оказали определённое влияние на другие народы. В западных источниках варяги отождествляются с викингами (да и не только в западных), со скандинавами, но есть ряд нестыковок с этой версией. В «Повести временных лет» приводятся потомки Иафета, от которых пошли европейские народы: «Афетово же колено и то: варязи, свеи, урмане, готе, русь, агляне», т.е. варяги перечисляются отдельно от шведов, норманнов, готов, руси, англо-в. И там же, когда описывается призвание варягов на правление: «Идоша за море к варягом, к руси. Сице бо звахуть ты варягы русь, яко се друзии зовутся свее, друзии же урмани, аныгляне, инеи и готе, тако и си» («И пошли они к варягам, к руси. Те варяги зовутся русью, как другие зовутся шведы, а иные – норманны, англо-в, а ещё готы – вот так и эти»). Кроме того, дружина князя Олега при заключении договора с Византией клялась богами Перуном и Велесом, а не Одним и Тором – богами скандинавов. Нельзя утверждать, что в дружинах русских князей не было викингов, ибо они за хорошую оплату нанимались служить любому. В 839 году вместе с послом из Византии к королю франков Людовику прибыли несколько человек, которые хотели через земли франков вернуться к себе на родину. Король расспросил их и выяснил, что они свеи (шведы).

А что варяги? Вернее – кто они? Давайте сравним производные от славянских слов: работать – работага, бродить – бродяга, доходить – доходяга, летать – летяга (белка-летяга), бедный-бедняга, коряжить – коряга, трудиться – трудяга, скромничать – скромняга, бедствовать – бедолага, тянуть – тяга, бодяжить – бодяга. Можно предположить, что слово «варяги» происходит от слова «варить». Так что же варили варяги? А варили они соль, а соль ценилась у всех народов. Не случайно основной торговый путь между Европой и Азией в то время шёл от прибалтийских славян через Ильмень, по Волге к хазарам, а далее через Каспий. Найденные археологами серебряные арабские дирхемы указывают на то, что торговля была довольно значительная. Торговать воздухом никто не будет, а это значит, что были ремёсла и ремесленники. Исторические хроники указывают, что в 808 году датский конунг Готфрид, разорив земли бодричей, вывез множество ремесленников и с их помощью построил город Хедебу.

Бодричи или ободриты занимали земли в нижнем течении реки Лабы (Эльбы). Восточнее жили велеты (вильцы) или лютичи, как их называли все остальные племена, в том числе и бодричи. Союз бодричей включал в себя собственно бодричей, а также вагров, варнов, смольнян, полабов, морачан, бытенцев и глинян. Так уж сложилось, что бодричи в основном были союзниками франков, изредка вступая с ними в конфликты.

В союз лютичей входили черезпеняне, доленчане, хижане и самое мощное племя ратаре. Изредка к ним присоединялись стодоряне, моречане и спреване. Обособленно стояло племя ранов или руян, которые располагались на острове Руян и на части побережья по соседству с островом. Одни источники сообщают, что они поддерживали бодричей, другие – лютичей, но чаще всего руяне диктовали свою волю другим племенам. На это была существенная причина: на острове находился храм бога Святовита, которого почитали славяне. Были случаи, что даже даны преподносили ему свои дары. Датский миссионер 12 века Гельмольд указывает, что главным промыслом руян были морские разбои. Жрецы храма Святовита носили красные мантии. Такого же цвета паруса были на ладьях руян. Скандинавские викинги, увидев их алые паруса, спешили подобру-поздорову свернуть в сторону.

Но давайте всё по порядку.

Итак – начало 9 века. Империя короля франков Карла Великого достигла невероятного могущества. Разгромив в конце 8 века могущественных авар и захватив в 801 году Барселону, франки свои устремления направили на славян: хорват, сербов, ободритов и лютичей, постепенно пряником и мечом делая их своими вассалами.

Это было время наивысшего расцвета империи франков, но центробежные феодальные силы и грызня потомков Карла Великого, особенно его внуков – детей Людовика Благочестивого, привели в течение этого века к распаду обширной империи.

Не последнюю роль играли и внешние воздействия. С начала второй четверти века участились набеги викингов на северное побережье империи франков, а также на Британские острова. На своих быстроходных ладьях, способных ходить не только под парусом, но и на вёслах, они не только нападали на побережье Испании, но и пиратствовали в Средиземном море.

В борьбе с викингами королю Экберту, чьи владения находились на юго-западе Британии, удалось создать такую армию, которая смогла захватить соседние королевства, и в первой трети 9 века образовалось одно англосакское королевство Англия.

Слабеющая в непрерывных войнах с болгарами и арабами и постепенно теряющая свои территории Византийская империя познакомилась с этими пиратами девятого века: в середине века корабли руссов и славян подошли к Константинополю, но разыгравшаяся буря потопила и раскидала по морю множество кораблей. Этот случай священнослужители объяснили покровительством Богородицы, и вследствие этого возник праздник Покрова Пресвятой Богородицы.

В самой Византии с начала века не прекращались междоусобицы и череда переворотов, завершившихся убийством императоров, пока в 867 году к власти не пришёл Василий Македонянин, основавший на полтора столетия Македонскую династию.

В середине века в 843 году в Вердене три внука Карла Великого разделили империю франков на три части, в результате чего образовалось три государства: Западно-Франкское (будущая Франция), Восточно-Франкское (будущая Германия) и Среднее королевство, которое после смерти его короля Лотаря распалось на королевства Прованс, Италия и Лотарингия. Королевство Лотарингия просуществовало до 870 года, когда Людовик Немецкий и Карл Лысый разделили её между собой.

В 845 году четырнадцать чешских князей приняли христианство. Вначале богослужения велись по греко-византийскому обряду, но в следующем веке постепенно перешли на латинско-католический.

Многие историки считают 862 год (дату призвания варягов с князем Рюриком в Новгород) – датой образования Руси. А до этого княжил Гостомысл, отстаивая рубежи новгородских земель от норманнов, воевал с хазарами, и в этих войнах погибли все его сыновья. Кстати, славянские имена с окончанием «-мысл» характерны для западных славян. Можно предположить, что князь Гостомысл – выходец из западных славянских земель, на которых жили бодричи, как и его отец – князь Буригой. Так что ниточка наличия государственности тянется задолго до призвания варягов.

Небольшое смущение возникает от осознания одного факта, приведённого в «Повести временных лет». Там сказано, что перед своей смертью в 879 году князь Рюрик передал своему родственнику Олегу своего маленького сына Игоря, рождённого в 877 году. Выходит, что ребенок у князя родился, когда ему было 72 года! Мне б такое здоровье!

Есть много версий решения этой несурзацы. Попробуем одну из версий с использованием художественного вымысла реализовать в этой книге.

P.S.

Автор надеется, что вышеизложенная информация поможет читателю понять взаимоотношения и поступки героев книги.

Глава 1

(808 г. от Р. Х.)

Молодой ворон, изредка взмахивая крыльями, парил над землёй, густо усыпанной камнями, высккивая хоть какую-нибудь падаль. Он только недавно вылетел из гнезда, расставшись со своими родителями, и поэтому первые попытки охоты не приносили ему удачи – мыши благополучно ныряли в норы, а ящерицы проворно скрывались в трещинах скал.

Наконец он заметил сидящего на большом плоском камне сокола, терзающего пойманного им голубя. И хотя ворон сам мог стать жертвой этого хищника, он с надеждой, вдруг и ему достанется что-нибудь от трапезы стремительной и беспощадной птицы, уселся на одинокую сосну над пернатым убийцей и начал каркать. Но все было тщетно. Сокол, не обращая внимания на вчерашнего птенца, не представляющего для него никакой угрозы, сосредоточенно вырывал голубиные перья и пух, а затем погружал свой изогнутый клюв в кровавое мясо, отрывая от него куски.

Над сосной молча пролетели несколько сородичей ворона. Шумный шелест взмахов их крыльев отвлекли молодую птицу от поедающего жертву сокола, и он, оставив надежду на возможность поживиться остатками пиршества, полетел вдогонку. Стая летела к побережью моря, где уже кружила огромная туча таких же чёрных птиц. Подлетев ближе, ворон разглядел череду длинных и узких кораблей, на которые грузили поклажу множество подданных конунга данов. Высокие и изогнутые носы некоторых посудин были украшены вырезанными из дерева головами различных животных и даже чудищ с оскаленными ртами, полными острых зубов, видимо призванных заранее напугать противника. Воины называли эти судна драк-карами. Над ними стоял сплошной гомон. Вороны садились на снасти, на головы чудищ, на вершины мачт, летали кругами, осыпая сверху все своим пометом. Наконец корабли отчалили, и чёрные птицы, обгоняя их, устремились через море к далёкому берегу.

Там за горизонтом, вдали от суши, ладья славян-вагров качалась на волнах, а сами славяне вытягивали из воды мокрую, тяжёлую сеть. Рыбы в ней было мало, и поэтому старший, Попельвар, угрюмо бурчал себе под нос:

– Мало рыбы стало в море. Зря мы здесь остановились. Надо бы на мели идти – там она кормится. А здесь – горе, а не рыба.

Двое других вагров, крепких и коренастых – Корлин и Войдан, молча помогали ему тащить сеть. Войдан поднял голову и крикнул своему шестилетнему сыну, сидящему на вершине мачты и крепко к ней привязанному:

– Тыра, ты что – заснул там?

– Не-е! – прокричал Тыра. – Всё чисто пока! Никого не видно!

– Как чисто? А это что? – Войдан показал рукой на черное облако воронья, летевшего вдали.

– Так это же не ладьи...

– Это их предвестники. Воронье всегда слетается на поле битвы. Чует оно что ли?

Попельвар приложил ладонь ко лбу и прищурился:

– Со стороны данов летят. Похоже, что они в поход собрались. На кого интересно: на ружан, бодричей или на нас – вагров? Давайте скорей! – прикрикнул он на помощников. – Уходить надо. Их боевые ладьи быстрее нашей. Не попасться бы нам на их пути. Тыра, слезай!

Мальчишка соскользнул вниз по мачте, а взрослые, сдирая кожу с рук до крови, быстрее начали вытаскивать сеть, уже не освобождая её от пойманной рыбы. Наконец снасть была на палубе, и ладья под наполненным ветром парусом побежала под защиту родных берегов.

* * *

Невысокий, но плечистый бодрич Раковор, недалеко от шумного прибоя среди россыпи больших валунов, за любым из которых мог спрятаться даже всадник, заканчивал конопатить

свою небольшую ладью. Узкие щели между досками он затыкал просмоленной конопляной нитью, заодно поучая своего восьмилетнего сына Оскола:

– Хорошо проконопаченная ладья воду не пропускает и быстра на ходу. От хорошей и лёгкой ладьи многое в море зависит. Она и воду лишней раз бортом не черпанёт, и буруны прибоя преодолееет... А вот потом мы днище просмолим – никакая буря ей не будет страшна. Ладья для бодрича – это...

– Отец, смотри... – перебил его Оскол, показывая рукой в сторону моря.

Там, вдоль берега, вереницей плыли драккары. Паруса на них были убраны, и корабли двигались только за счёт слаженной работы гребцов.

– Эх, сколько их! Трудновато нам придётся, – покачал головой Раковор.

– Кто это, отец?

– Это ладьи данов.

– А чего они к берегу не пристаают?

– Мелко здесь. Ищут где подходы пригодные. Это наши ладьи и по морю, и по реке могут плавать. Когда надо, мы их и через порог на руках перенести можем. А у них ладьи тяжёлые – глубоко в воде сидят. На мели застрянут – трудно будет потом снимать. У мурманов они немного другие – полегче. Те бы и здесь пристали к берегу.

Раковор задумчиво провожал взглядом проплывающие драккары данов, а потом решительно повернулся к сыну:

– Всё, бросай работу – теперь не до неё. Пошли в град! Надо воеводе Зеמידару сообщить.

Все города бодричей были похожи друг на друга. В центре стояла высокая деревянная крепость. Её широкие стены – необхватные, вертикально поставленные брёвна, связанные между собой такими же толстыми стволами, были внутри заполнены землёй. В крепости находились дома князей или бояр с ближними дружинниками. В минуту опасности в неё переходили люди и воины, жившие в посаде, окружающем крепость. Посад защищал земляной вал, иногда превышающий высоту роста четырех человек. По его вершине шёл частокол, за которым могли прятаться защитники.

В городе уже было оживлённо, но без особой суеты. По угрюмым и сосредоточенным лицам горожан и тому, что многие из них были вооружены мечами, Раковор понял, что о нападении данов здесь уже знают. В крепости было сравнительно безлюдно. Немногочисленные дружинники обступили воеводу Зеמידара, который давал им распоряжения. Раковор протиснулся к нему и произнёс:

– Даны пришли...

– Знаю, гонец прискакал, – хмуро ответил Зеמידар. – Их войско соседний город обложило, а до этого ряд селений разорило. Я уже полторы сотни воинов на помощь послал.

– Я говорю, что даны на ладьях вдоль берега проплыли – ищут, где высадиться. Ладей около двух десятков.

– Вон оно что! – Зеמידар на минуту задумался, а затем решительно произнёс: – Мало нас. Город можем не удержать. Бери коня и скачи немедля к князю – помощи проси.

Перед отъездом Раковор заехал домой повидаться с сыном.

– Оскол, помнишь место в лесу, где мы с тобой по осени сохатого добыли?

– Это недалеко от родника?

– Да. Там на склоне оврага я заметил упавшую от бури сосну. Под её вывороченными корнями небольшая пещерка образовалась – от непогоды в ней можно укрыться. Ты в граде не задерживайся, а бери самое необходимое: хлеб, крупу, лук со стрелами – и жди меня там. Мало ли что может произойти... И поспеши – время дорого. Понял меня?

– Хорошо, отец. Возвращайся скорей – я буду тебя там ждать.

* * *

Рано утром в дверь опочивальни князя бодричей постучали, и взволнованный голос произнёс:

– Княже! Выйди, княже! Гонец прискакал.

Недовольный князь Дражко поднял голову и гаркнул:

– Чего там? До утра не подождёт?

– Нельзя, княже, время дорого.

Жена князя испуганно подняла голову с подушки:

– Случилось что?

– Да что там может случиться? – недовольно пробурчал Дражко. – До утра не могут подождать. Дармоеды...

За дверью князя ждал молодой боярин Траскон и плечистый бородатый воин.

– Беда, княже. Вот Раковор прискакал, – боярин кивнул головой на воина, – говорит, что лады данов пристали к нашему берегу. Ладей много, да и воинов на них не счесть... Сейчас войско движется сюда – к Велиграду, по дороге разоря селения и убивая людей.

– Выслать дружину им навстречу... – вскипел Дражко.

– Не спеши, княже. На рубеже с саксами беспокойно. Саксы тоже выступили. Неспроста всё это – видно договорились они заранее...

Дражко побледнел:

– Собрать всю дружину в Велиграде – защищать город будем.

– Сейчас воинов мало в граде, – промолвил боярин. – Чтоб её собрать – время надо. Да одной дружиной не осилить их, княже. Помощи надо просить.

– Когда данов можно ждать? – повернулся Дражко к Раковору.

– Основные силы завтра к вечеру могут появиться, но их передовые воины рассыпались по нашей земле и уже разорили многие селения. Я думаю, что часть дорог уже перекрыто и к ваграм не пробиться.

– К лютичам надо за подмогой посылать.

– Опасно, княже, – молвил Траскон. – Недруги они для нас.

– Они королю франков присягнули после своего поражения. А король франков – наш союзник. Не посмеют... – князь задумался, а потом взглянул в глаза Раковору. – Ладно, ты поезжай к варнам. Пусть их войско идет к Велиграду. А потом скачи к лютичам, к князю Драговиту. Проси у него помощи...

– Конь мой притомился.

– В конюшне любого возьми. Не медли, ступай!

Раковор ушёл, а Траскон озабоченно произнёс:

– Бодричи не только в Велиграде живут. Я думаю, что всё-таки надо попытаться послать гонцов к ваграм и не мешало бы – к смолянам. С их помощью другие города удержим – ведь народ спасать надо.

– Что народ! Бабы ещё нарожают. Власть князя надо спасти. Не будет князя, не будет княжеской власти – не будет народа, разбредутся все по другим племенам под другую княжескую руку. А под сильную княжескую руку люди всегда прибьются. Им так спокойней и сытнее.

Траскон нахмурился:

– А если рожать некому будет?

– Не о том думаешь! Была бы дружина! А с дружиной можно любых баб захватить; обратим – нарожают они нам. Да и из других мест ремесленников можно пригнать. Дружина – это сила, на которой держится мощь князя. Ладно, рано ещё. Пойду досыпать, – и за Дражко закрылась дверь опочивальни.

– Видно чего-то не понимает князь, – зло усмехнулся Траскон. – Долго бодричи его терпеть не будут.

* * *

Молодой норовистый конь, доставшийся Раковору, вначале плохо слушался его под седлом. Он пытался взбрыкивать и совсем не хотел подчиняться незнакомому всаднику. Раковору в эти моменты приходилось несколько раз стегать его плетью. Но вскоре конь вроде бы смирился и в минуты отдыха, когда после бешеной скачки Раковор переводил его на шаг, храпел и, повернув свою гривастую голову, косил большим чёрным глазом на нового хозяина. Этот норов молодого жеребца и подвёл гонца бодричей, когда он, заметив большое количество пеших воинов и множество вооружённых всадников, свернул в кусты и попытался там переждать. Это были не варны, те обычно сражались пешими. Конь Раковора призывно заржал, и на это ржание вмиг прискакали всадники, не дав возможности скрыться.

– Ты кто? – нахраписто и в то же время надменно спросил один из всадников.

– Я гонец к великому князю Драговиту от князя Дражко, – ответил Раковор, поняв, что про варнов лучше не упоминать.

Всадник ухмыльнулся:

– Здесь князь Милогост. Вот и сообщишь ему всё, что хочет ваш Дражко. Свяжите его! – скомандовал всадник.

Раковора стащили с коня, отобрали меч, и со спутанными руками ему пришлось бежать за всадником, державшим веревку, к которой он был привязан. Иногда пленник не поспевал за ним – веревка натягивалась, и он падал на землю. Всадник останавливался, и недовольно поддёргивая верёвкой, заставлял его подниматься. Наконец Раковора, грязного, усталого и мокрого от пота, представили перед Милогостом.

– Вот, князь, бодрича поймали. Говорит, что скакал к Драговиту от их князя Дражко.

– Говори, что просит Дражко от нашего князя?

– На нас напало большое войско данов. Наш князь просит у великого князя Драговита помощи.

– Помощи захотели! – Милогост процедил сквозь зубы. – Ваше племя много крови нам испортило. А теперь помощи просите? Не дождётесь – возмездие пришло. Я – князь черезпелюх введу своих воинов помочь данам.

– Ты не можешь так поступить.

– Ты мне указывать будешь, смерд? – Милогост ударил Раковора плетью.

Раковор вздрогнул от удара:

– Но вы же присягнули королю франков...

Милогост зло усмехнулся:

– Присягали ему, но не князю Дражко.

Он повернул голову к воинам:

– Свяжите и бросьте в обоз – я подарю его Готфриду датскому.

* * *

Всю крепость Велиграда заволокло едким дымом от сгоревшего посада. К этой едкости добавлялся слащавый запах горелого мяса. Уже третий день в воздухе витал запах смерти, после того как объединённое войско данов и саксов, а также подошедшие воины лютичей сломали сопротивление жителей города. На высоких стенах крепости столпились немногочисленные её защитники. В основном это была семья князя и приближенные к нему дружинники. Здесь, на стенах, можно было вдохнуть желанного чистого воздуха. Все смотрели, как к воротам крепости мимо дымящихся головёшек от былых строений шёл воин, размахивая белой тряпкой.

– Князь ободритов! Тебя Готфрид, предводитель войска данов, призывает выйти из крепости и обсудить с ним условия сдачи! – прокричав это, воин повернулся и ушёл прочь.

– Что делать думаешь? – обратился к Дражко его брат Годослав.

– О сдаче не может быть и речи. Не бывало того, чтобы мы – бодричи, сдавались кому-то. Крепость им не взять, а вскоре должна подойти помощь от варнов. Лютичи – сволочи, нас

предали. Мало мы их с франками били. Я жестоко отомщу! – Дражко отвернулся от того, что раньше было городом Велиградом. – Карла франкского попрошу о помощи, и опять пройдем с карающим мечом по их землям. Пощады никому не дам.

Князь отошёл от края стены и присел на один из деревянных чурбанов, во множестве лежащих на стене, приготовленных для отражения возможного приступа.

– Лютичи – знатные воины, – промолвил Годослав. – Может много крови пролиться с нашей стороны. И так уже сил мало, что приходится просить помощи у франков. Не боишься, что можем попасть в зависимость от Карла и стать его слугами?

Стоящий недалеко Траскон внимательно слушал, что говорил Годослав.

– Но он-то всегда просит у нас помощи, – возразил Дражко.

– Просят помощи у сильного. Нам самим нужно быть сильными, а для этого нужен мир, чтобы окрепнуть. Хотя бы лет пять без войны.

– За пять лет и лютичи сил наберут, – желчно произнёс Дражко.

– Эй, князь! – раздалось снизу крепости.

Годослав выглянул. Недалеко от ворот стояли два всадника. Один из них держал верёвку, к которой был привязан побитый человек в изодранной одежде. Траскон пригляделся:

– Раковор это. Гонцом его посылали к варнам.

Всадник продолжил:

– Я – князь черезпенян Милогост. Призываю тебя, князь, сдаться.

– Ваш великий князь лютичей Драговит слово давал: жить в мире с нами! – прокричал в ответ Годослав.

– А Драговит в мире с вами и живёт, но не мы. Вы часто нападали на наши земли, пленяли наших людей. Теперь пришёл наш черёд. Выходи из крепости – поговорим. Не заставляй нас ждать. Мы захватили много твоих людей, и если не одумаешься, то с каждым разом будем убивать их в два раза больше. А этот будет первым. Милогост махнул рукой. Воин схватил за волосы пленника и двумя уколами кинжала выколол ему глаза. Стоящие на стене услышали, как вскрикнул Раковор. Затем воин двумя движениями отрезал уши и после этого полоснул кинжалом ему по горлу. Всадники ускакали, оставив лежать труп как напоминание князю.

Годослав повернулся к Дражко.

– Я выйду к ним, брат. Людей надо спасать. Они на этом не останутся.

– Убить могут... – ответил Дражко.

– Но они же хотят поговорить. А убьют – что ж, такова воля богов да наша княжья доля. Без народа князь – ничто. На то он и князь, что ответственен за них. За народ он и голову сложить может, и за это народ его любит и в своём сердце хранит, если заслужил. О таком князе своим детям люди будут рассказывать. До сих пор ведь помнят нашего предка Владимира – сына князя Вандала. Если что, позаботься о моей семье, брат. Умила, – шагнул он к жене, – давай попросимся на всякий случай.

Враз побледневшая Умила прижалась к мужу, затем они троекратно расцеловались. Годослав поднял на руки своего трёхлетнего сына Юрия:

– Ну что, Юрий, мамку слушаться будешь? – тот молча кивнул головой. – Если не вернусь, то отомсти за меня, когда вырастешь.

Годослав прижал родное тельце сына к своей широкой груди и поцеловал в лоб.

Ворота открылись, и Годослав, высоко держа голову, направился к стану врагов. Все напряжённо смотрели за ним со стены. Умила, зажав рот рукой, чтобы не разрыдаться, глядела, как мужа окружили даны, и он пропал из виду. Затем все увидели, как высоко вверх взлетел один конец бревна, на котором висело тело брата князя. Громко вскрикнула Умила и начала оседать вниз. Траскон бросился к ней, стараясь удержать, а Дражко побледнел от гнева, повернулся и пошёл прочь со стены. С презрением смотря ему вслед, боярин тихо произнёс:

– Какого человека потеряли! Вот кто был достоин стать князем бодричей, – и уже громче: – Крепись, Умила, у тебя его сын. Юрика надо вырастить, а теперь нелегко будет, ведь на этого, – он кивнул в сторону ушедшего Дражко, – надежи нет.

Умила вытерла слёзы и властно, словно это была не просьба, а приказ, произнесла:

– Помоги мне, Траскон. Я хочу вернуться к отцу и там вырастить сына.

– Это будет непросто сделать. Ночью я выведу вас из крепости через подземный ход. Дам в провозатые двух воинов. Они доведут вас до побережья. Постарайся там найти ладью. Это всё, что в моих силах. Я не могу сейчас оставить князя.

Умила кивнула:

– Для меня, в моём положении, это уже много. Спаси тебя боги за твою доброту. Вот возьми, – Умила сняла с себя тяжёлые золотые серьги. – Пусть это будет для тебя память обо мне и моём муже. В трудную минуту для тебя двери нашего дома всегда будут открыты. Я накажу это своему сыну, чтобы он не забывал об этом.

Траскон подозвал воинов:

– Честимысл, Мезислав! Собирайтесь в путь – проводите Умилу с сыном до моря. Из крепости пробирайтесь на княжью пасеку, там есть кони. Пусть наш бог Радегаст поможет вам в пути.

Глава 2

(808 г. от Р. Х.)

Милогост торжествующе поглядел на крепость и радостно сказал подъехавшему к нему Радиму во главе сотни воинов:

– Теперь без князя они долго не продержатся.

Радим мрачно произнёс:

– Неправедно вы с Готфридом поступаете. Зачем пленных мучаете и убиваете? Вятко так никогда не поступал.

– Что ты мне тычешь своим Вятко: Вятко так делал, Вятко – этак... Мне он не указ. Да и где он этот Вятко-то? Я сам знаю, что мне делать. И вы будете делать то, что скажу я.

– Ошибаешься, князь. Мы будем делать то, что способствует спокойствию и процветанию народа.

– Ты, Радим, перечишь своему князю? Да я тебя...

– Не грози, князь. Святовит видит всё. И он накажет того, кто поступает вопреки воле наших богов.

– Теперь ты мне грозишь? – вскричал Милогост с изменившимся от злобы лицом.

– Не кричи, князь. Я никого не боюсь. Мне ли бояться? – Радим усмехнулся. – Я видел в своей жизни многое: был рабом у ромеев, с Вятко был во многих сражениях – и кого мы только не били! Ты забыл, когда мы сражались с франками, ты со своими воинами в крепости отсиживался? А ведь Вятко всех пленных не казнил, а отпустил. И только потому, что от них враги узнали нашу силу, более пяти лет они не нападали на нас. И если бы франки не пронюхали, что вятичи и резане нас покинули, король Карл не посмел бы потом напасть. А ты поступаешь не как воин, а как тать последний – убивать пленных не пристало.

– Ну и убирайся к своему Вятко.

Не от таких ли необдуманных слов и поступков правителей приходят в упадок, погибают и исчезают целые народы? Не от таких ли спонтанных порывов и несдержанности власть имущих возникают войны и рушатся уклады жизни? Но в любом случае это отражается на судьбах простых людей. Можно не сомневаться, что в большинстве случаев в прошлом именно несправедливость бытия заставляла отдельных людей, их семьи и даже народы бросать родные края и переселяться в другие места.

– Ты подал мне сейчас дельную мысль, Милогост.

Князь заметил, что Радим первый раз назвал его не князем, а просто по имени.

– Я для тебя – князь Милогост, – процедил он сквозь зубы. – Я с тобой обо всём поговорю дома, когда закончится эта война.

– Не князь ты нам больше. Мы свободные люди, и я со своими воинами покидаю тебя.

– Ты, ты... – в бешенстве Милогост не находил слов. – Схватите его!

Но ни один из воинов князя не осмелился это сделать.

– Не позорь себя, князь черезпенян, – усмехнулся Радим. – Или ты уже готов проливать и кровь народа своего племени?

Радим привстал на стременах и зычно крикнул:

– Черезпеняне! Вы все видели меня в битвах. Кто из вас считает, что нет доблести в убийстве пленников и безоружных людей – присоединяйтесь к нам. Это уже не наша война. Мы уходим.

Радим неторопливо тронул коня, и вся сотня воинов медленно проехала мимо князя, а за ними пошли внявшие его словам и присоединившиеся к нему почти две сотни пешцев. Едва крепость Велиграда скрылась из виду, к Радиму подъехал его младший брат Позвизд:

– Милогост нам не простит этого унижения и будет мстить. Ты понимаешь, что сейчас объявил ему войну? Кого думаешь брать в союзники? Или думаешь, что ратаре и их князь Драговит заступится? Хоть Драговит и великий князь всех велетов, но сейчас он слаб и не в его интересах затевать междоусобицу. И ни одно из племён велетов: ни ратаре, ни хижане, ни доленчане не пойдёт против Милогоста.

Радим спокойно ответил:

– Я не собираюсь ни с кем воевать. Народ устал от войн. Вятко рассказывал, что там далеко, где просыпается наше солнце, а затем согревает нас своим теплом, находятся малонаселённые земли, которые богаты и рыбой, и зверьём. Он увёл туда своих людей. Я собираюсь последовать за ним и хочу, чтобы мои внуки не видели этих ужасов войны и росли в мире, и думаю, что многие люди наших племен захотят последовать за мной.

Позвизд ничего не ответил Радиму, а только соглашающе покачал головой.

Кто знает? А может быть и таким образом племя радимичей появилось на обширных просторах восточной Европы.

* * *

У Оскола уже второй день от голода ныло в животе. Последние два дня его пищей была только сваренная на костре похлёбка, состоящая из воды и горстки муки. Но теперь кончилась и мука. Как назло, поблизости исчезла вся дичь, а далеко он уходить не решался, ожидая появления отца. Несколько дней назад он подстрелил сову, но как не сэкономил, птицы хватило всего на два дня. Да и мяса-то на ней было мало, к тому же довольно жёсткого. И Оскол решил вернуться в град, который встретил его запустением и разрухой. Все строения вокруг крепости были сожжены. В одном месте деревянная стена прогорела, и из нее высыпалась земля. Было тихо, даже вездесущие воробьи и голуби, во множестве обитавшие в граде, и те пропали.

Оскол шёл по былым улицам, испуганно озираясь и затыкая нос от невыносимого смрада от неубранных и разлагающихся трупов. У некоторых тел были вырваны куски мяса и отъедены конечности, видимо пировавшими здесь собаками или волками. В одном месте Оскол увидел неимоверно раздутый труп лошади, на котором сидела ворона. Он потянулся за стрелой, но птица, подпрыгнув два раза, взмахнула крыльями и улетела.

Оскол скорее угадал, чем узнал место своего сгоревшего дома. Вместо него осталась куча золы и пепла. Он упал на колени, и произвольные слёзы полились у него из глаз. Наплакавшись, Оскол, испачкав щёки, вытер оставшиеся слезинки с лица грязными от золы руками, поднялся и пошёл в крепость, уже почти не надеясь найти что-нибудь съестное. Подавленный всем увиденным, Оскол осторожно вошёл в открытые ворота. Большой дом, в котором жил воевода, и остальные строения были целы, но казались совершенно безжизненными. Внутри

крепости было пустынно и не было видно погибших. Его взгляд привлёк рассыпанный в пыли овёс, на его счастье до сих пор не склёванный птицами. Оскол горстями хватал зёрна овса вместе с пылью и бросал их в подол своей рубашки.

– Ты цево делаешь, а? – раздался сзади него детский голос.

Оскол обернулся. Перед ним стоял маленький, чисто одетый мальчик в сафьяновых сапожках.

– А цево ты такой глянзый? – шепелявя и не выговаривая букву «р», мальчишка присел перед Осолом на корточки.

– Овёс, вот... – растерялся Оскол.

– Мама, мама! – закричал малыш. – Здесь мальчик глянзый.

Из безжизненного дома выбежала красивая боярыня и два суровых воина. Не заметив опасности, она успокоилась:

– Юрик, иди ко мне!

Но Юрий продолжал сидеть и смотреть на незнакомого мальчика. Оскол, прижав послышнее подол рубашки, чтобы не просыпать грязные зёрна осторожно встал с земли.

Воины подошли ближе, и один из них спросил:

– Ты один, или ещё взрослые здесь есть?

– Один. Овёс вот... – не зная зачем, опять повторил Оскол.

– А что же ты здесь бродишь? Живешь где?

– Жил там, – кивнул головой в сторону бывшего дома Оскол. – Да дом вороги сожгли. Теперь отца жду – отец должен скоро вернуться. Его воевода Земидар к князю послал с вестью о данах.

– Не Раковором его, случайно, звали?

Оскол молча кивнул головой.

– Не дождёшься ты его, брат, – воин крепко взялся руками за плечи Оскола. – Убили его даны. Как зовут-то тебя?

– О-оскол, – задрожал голос у мальчишки, и он не заметил, как из подола его рубашки тонкая струйка собранного вместе с пылью овса посыпалась на землю.

– А люди есть здесь ещё?

У опустошённого от скорбной вести Оскола в горле возник горький ком, он не мог произнести ни слова, и поэтому только отрицательно покачал головой.

– Мезислав, дай парню хлеба – голодный он, – воин тяжело вздохнул. – Значит, ладью здесь мы не найдём.

Мезислав принёс кусок хлеба и протянул его Осколу. Несмотря на голод, мальчик неторопливо начал откусывать и жевать.

– Я говорил тебе, Честимысл, что дальше нужно ладью искать. Два дня зря потеряли...

– Да, – согласился Честимысл, – надо к ваграм пробираться, там точно ладью найдём.

– У меня ладья есть, – оторвался от куска хлеба Оскол. – Она в камнях спрятана. Ладья небольшая, но всех нас выдержит. И под парусом ходко бежит.

Честимысл и Мезислав переглянулись.

– Сколько серебра возьмёшь за ладью? – спросил Мезислав.

Оскол помотал головой:

– Я её просто так не продам.

– А как?..

– Возьмите меня с собой. Пропаду я здесь один.

– Чего ж не взять? Возьмём, но только дорога у нас будет долгая и трудная. Выдержишь?

– А Юрик выдержит?

Честимысл усмехнулся:

– Ладно, верю, что сможешь...

Так просто повернулась судьба Оскола. Теперь он сидел в ладье вместе с новыми знакомыми и смотрел на залиvisto смеющегося Юрика, для которого плавание по морю было новым впечатлением в познании мира: качка ладьи на волнах, пролетевшая рядом чайка, случайно попавшие брызги воды от большой волны, ударившей по носу ладьи, хлопки паруса при порывах ветра и даже два судна, появившиеся на горизонте и плывущие им наперерез.

Честимысл и Мезислав напряжённо вглядывались в приближающиеся корабли. Молодое и острое зрение Оскола первым разглядело чудищ на носах драккаров.

– Ладьи данов это! – воскликнул Оскол.

Умила ахнула и, прижав к себе Юрия, загородила его собой от приближающихся врагов.

– Не уйдём, – заметил Мезислав.

– Поворачивай к берегу, там мель! – скомандовал Оскол. – Им там не проплыть.

– Ну, мореход! – удивлённо помотал головой Честимысл, но ладью повернул к берегу, как сказал Оскол.

Как ни ходко бежала по волнам ладья, расстояние между славянами и данами сокращалось. Недалеко от бурунов, указывающих на край отмели, свистнули первые стрелы и пробили парус.

– Держи руль! – крикнул Честимысл Осколу, а сам начал доставать лук. – Мезислав, рулевого подстрелить надо.

Оскол, осторожно выглядывая из-за края борта, увидел, что метко посланные в ближайший драккар стрелы вызвали у данов суету, и их корабль со всего хода налетел на мель.

– Попали! – радостно воскликнул Мезислав.

Второй драккар сбросил парус и отвернул от мели, и с обеих кораблей данов в сторону ладьи вылетели стрелы.

– Поберегись! – услышал Оскол, как за его спиной крикнул Честимысл.

Оскол сжался в комочек и насколько мог прижался к борту ладьи. Он почувствовал, как вздрагивала ладья от попавших в неё стрел. Он слышал, как со стуком они втыкались в её борта. Раздался плач Юрия, но стрел уже больше не было. Оскол осторожно поднял голову. Драккары остались далеко позади и, судя по всему, не собирались дальше преследовать ладью, а может – просто не могли.

Оскол оглянулся – повсюду в бортах ладьи торчали стрелы, а на дне ладьи, пронзённые ими, лежали Честимысл, Мезислав и Умила. Под Умилой раздавался глухой плач Юрия, которая загородила его своим телом, да так и умерла, прижав собой сына к борту.

Оскол проскользнул между погибшими к Умиле и, стараясь не глядеть в её безжизненные глаза, вытащил Юрия.

– Ну что ты, что ты, – прижал он Юрия к себе. – Не плачь, ты же будущий воин.

– Ма-амку у-уби-и-или... – рыдал, не останавливаясь, мальчик.

– Перестань, не плачь. Вот у меня отца даны убили, я ведь не плачу, – а у самого после этих слов задрожали губы и на глазах появились слёзы.

Оскол осторожно, чтобы не видел Юрий, вытер ладонью свои глаза, а тот всхлипывал всё реже и реже и наконец притих.

– Всё? Не будешь больше плакать? Эх ты, Юрик-Рюрик.

Юрик улыбнулся – видно ему понравилось, как его обозвал Оскол, и поэтому повторил:

– Юлик-Люлик, Юлик-Люлик!

– Что делать-то будем дальше, Юрик-Рюрик, а? Куда тебя везти?

– Туда, – произвольно махнул рукой Юрий.

– Туда нельзя, там даны.

– Тогда туда, – показал малец в другую сторону.

– А что там?

– Не знаю.

– Вот и я не знаю, – вздохнул Оскол. – Смотри, солнце уже спать собралось. Давай я постель сооружу и прикрою тебя получше, а то ночью на воде холодно. А завтра придумаем чего-нибудь.

От солнца над горизонтом остался один кусочек. Ветер стих, и парус безжизненно повис. Ладья монотонно покачивалась с бока на бок, и под это покачивание Юрий заснул. Оскол, глядя на безмятежно спящего мальчика, размышлял о дне завтрашнем: «Если вернуться назад – то там всё разрушили даны, и неизвестно – появились ли там бодричи? А если там даны?.. А может плыть к другим племенам: ваграм или полабам? С голоду умереть не дадут, но жить с чужими людьми не мёд. А может ладью продать? Да кто же у него её купит – возрастом не вышел. Могут просто отобрать. Не все же такие, как Честимысл и Мезислав». Оскол ненароком посмотрел на убитых: «Продать... А что говорил Мезислав про серебро, когда предлагал купить у него ладью?»

Оскол осторожно обшарил Мезислава, но ничего не нашёл; к Умиле подойти побоялся и начал ощупывать Честимысла. Под рубашкой он обнаружил мешочек с серебряными монетами и забрал их себе – пригодятся.

Солнце уже зашло, в наступившей темноте у Оскола сами собой начали опускаться веки, и он заснул...

– Побил их кто-то. Видишь, сколько стрел утыкано, – услышал Оскол сквозь сон и открыл глаза.

Было уже светло. В его ладье находились воины, похожие друг на друга: все как один с чисто выбритыми головами и бородами, на голых макушках лишь торчало по длинному клоку волос, а из-под носов свисали длинные усы, концы которых болтались ниже подбородка. Одежда их состояла из льняных белых портков и таких же белых рубах. Это были не бодричи, так как мужчины этого славянского племени не брились. Среди них выделялся один своим властным видом и уверенным взглядом. Никаких украшений он не имел кроме массивной золотой серьги в мочке правого уха. Непривычный вид воинов насторожил Оскола, и он непроизвольно загородил собой Юрия.

– Чего испугался? Кто это вас?..

– А вы кто?

– Мы-то? – усмехнулся незнакомец. – Мы руяне, а я их князь Рус. Вот смотрим – ладья посреди моря одна-одинёшенька, стрелами утыканная, и решили проверить. Кого ты там загроживаешь?

Князь подошёл ближе и увидел Юрия:

– Брат?

Оскол замотал головой:

– Не-а, вон мать его лежит. Даны за нами гнались.

Рус прошёл к Умиле и нагнулся, рассматривая её:

– Вот это кто!

– Красивая, – скабрёзно хихикнул один из воинов позади князя. – Если бы была живая, то я бы с удовольствием её ноги себе на плечи положил и побаловался бы с ней ночью.

Рус развернулся и одним ударом в ухо сбил паскудника с ног:

– Не смей охальничать!.. Княжна она, да притом мёртвая. А над мёртвыми – сам знаешь...

Как наяву он вспомнил свою первую встречу с ней. Несколько лет назад его быстроходные ладьи с воинами перехватили в море медленно плывущую, тяжело гружённую ладью под парусом. На ней, увидев встретившихся, начали спешно одевать кольчуги и выставлять щиты. На некоторых из них была нарисована голова коня, оповещающая, что их хозяева – бодричи. Рус подождал, пока его ладья приблизится к чужакам так, чтобы стало возможным различать лица, вышел на нос и громко крикнул:

– Я князь руян Рус, по прозванию Бравлин. А вы кто? Не бодричи случаем?

Растолкав окружающих его воинов, вперед выкатился пожилой невысокий мужичонка, с торчащей седой бородой:

– Будь здоров, князь! Моё имя Мошко. Может, помнишь меня? Мы с Вятко у тебя были. А сейчас плывём с товаром из Новаграда от князя Гостомысла. Есть среди нас и бодричи, но в основном словене мы с Ильменя.

– Как не помнить, помню. Хороший воевода Вятко. Богатую добычу мы с ним взяли у ромеев. Мои воины часто вспоминают тот поход. Помню и князя Гостомысла, как привечал он меня с дружиной. Ради Вятко освобождаю вас от подати – плывите дальше с миром.

На ладье опустили щиты, и князь за спинами воинов разглядел красивую девушку. Она без боязни смотрела на руян, и в этом взгляде чувствовалось величие.

– Как зовут тебя, красавица? Оставайся с нами. Любой из нас готов взять тебя в жёны.

Девушка горделиво вскинула голову:

– Я дочь князя Гостомысла!

– Поздно уже, князь, – добавил Мошко. – Сосватана она за Годослава из княжеской семьи бодричей...

И вот теперь она лежала у его ног со стрелой в груди, и её голубые глаза безжизненно смотрели в небо.

Он аккуратно закрыл ей ладонью глаза:

– Перенесите погибших на нашу ладью, похороним их с честью.

Князь вернулся к спящему Юрию и взял его, сонного на руки. Малец проснулся и сонья начал тереть себе глаза кулаками.

– Как зовут-то тебя, княжич?

– Люлик, – ответил Юрий.

– Люлик? – удивился Рус.

– Нет, Люлик.

– А-а, Рюрик!

Мальчишка утвердительно кивнул головой.

– Ну, Рюрик – так Рюрик. Хочешь воином вырасти и за мать отомстить?

– Да.

– Возьмите и меня. Я тоже хочу воином вырасти! – взмолился Оскол. – А ладью мою можете себе взять.

– Хорошим воином стать – много пота надо пролить. Не пожалеешь?

Оскол посуровел лицом:

– Мне сказали, что моего отца тоже даны убили. Если не я, то кто за отца отомстит?

Князь внимательно, оценивая, окинул взглядом Оскола:

– Как зовут-то тебя?

– Осколом кличут.

– Тогда перелезай к нам.

Рус повернулся к воинам.

– Привяжите его ладью к нашей.

Так просто решился вопрос о будущем, мучавший вчера Оскола. Он потрогал под рубашкой мешочек с монетами: «А серебро бы спрятать не мешало. И почему отец всегда говорил, что руян нужно опасаться?»

Глава 3

(819 г. от Р.Х.)

Крепкий как кряжистый дуб, Остромысл, растягивая удовольствие, выпил ковш браги, смачно крякнув и вытерев с усов пену, потянулся к копчёному медвежьему окороку и отрезал себе ломоть:

– Ты мне поверь, дело – верное. Ты же купец, и выгоду должен видеть. Всё, что от тебя требуется – это ладью одну дать, да гольтепу помочь вооружить. Чай в твоих лабазах полно оружия-то?!

Сидящий напротив Градомир обсасывал шейку запечённого гуся и обдумывал предложение Остромысла, а тот продолжал:

– Сейчас самое время. Большинство данов уплыли фризов пощипать. У их селений охраны мало осталось, и мы их запросто на щит возьмём. Сведения верные, не сомневайся. Ты только подумай: пятая часть добычи – твоя!

Градомир ухватил щепоть кислой капусты и бросил её в рот. Смачно хрустя, спросил:

– Мне пятую часть, а остальное тебе?

– Мне тоже пятую часть.

– Я что-то не пойму – а остальное кому?

– Половину княжичу Вратибору и его дружине, а остальное всем тем, кто с нами на данов пойдёт.

Градомир понимающе кивнул головой. Дружина княжича Вратибора – это опытные воины его отца – князя Руса, прошедшие с ним множество битв, и которые были не согласны с выбором в князя Яромира – еще одного сына Руса от другой жены. Яромир был резок, отчаянно храбр до безумия, но воины больше чтили уравновешенного и здравомыслящего Вратибора.

Градомиру он тоже нравился, но принимать решения с наскока не привык:

– Пятая часть добычи – не такая уж и большая, так чего ты стараешься ради этого похода?

Остромысл немного замялся и плеснул себе в ковш немного браги:

– Понимаешь, много тут бездельников развелось: работать не хотят, пьянствуют, как бы до озорства не дошло. Если уйдут они с нами в набег, здесь спокойней будет. А вернутся с добычей – какая-никая выгода и прибыль.

– Это ты до этого додумался?..

Остромысл опять замялся и нехотя произнёс:

– Князь Яромир попросил. Хочет он, чтоб порядку больше было. Да и брата Вратибора просил с собой взять – пусть боевого опыта поднаберётся...

– А князь брату воинов ещё даёт?

– А зачем? Я ж говорю, что даны на фризов уплыли. Мне сам князь об этом сказал.

– Сам князь?..

Градомир задумался – неспроста всё это, неспроста:

– Так сколько всего воинов на данов с собой возьмёшь?

Остромысл оживился:

– Я с воинами на ладье, княжич на пяти. Ещё твоя ладья да моих две, на которых всех охочих людей размещу. Вот и считай – больше полторы сотни воинов.

– Ладно, дам я тебе ладью. И всех желающих идти на данов вооружу. Пусть в лавку приходят, а оружие после похода вернут.

– Само собой...

– Это не всё. Я со своими воинами на одной ладье тоже на данов пойду. На сброд надежды нет – какие они воины?!

– Но я не могу из добычи тебе выделить больше, чем пятую часть... – заволновался Остромысл.

– Ничего. Главное – эту пятую часть вовремя себе на ладью положить...

* * *

– Оскол, неслух, ты где пропал? – у открытых дверей хлева раздался зычный крик княжьего ключника Билюда.

Навстречу вышел широкоплечий молодец лет двадцати, с большими деревянными вёдрами, полными свежего навоза, и устался сверху вниз на маленького и худосочного ключника. Его высокий рост скрадывала небольшая сутулость, образовавшаяся, видимо, от постоянного ношения различных тяжестей. Босые ноги его, а также портки и рубаха, были измазаны тем же навозом.

– Чего шумишь? – глухим басом произнёс Оскол. – Сам же велел в хлеву убраться.

– Сколько можно ковыряться здесь? Вон уже свиньи визжат – голодные, а он всё никак не может убраться, как будто неделю там не появлялся.

– А ты вели поменьше коров кормить, тогда быстрее буду управляться.

– А молоко тогда откуда брать будем? Чай любишь его – молоко-то?

– А оно мне достаётся? – усмехнулся Оскол. – Хорошо хоть квасу вдоволь.

– Дерзишь, неслух. Вот скажу князю – он тебе задаст.

– За что? За то, что у коров долго убирал?

– Он найдёт за что. Скажу, что ты ночью к девкам в девишнюю лазил.

– Так я ж не лазил!

– А я скажу, что лазил. Испугался? То-то. Помни, кто тебя, сироту, выкормил и на ноги поставил.

Оскол поставил вёдра на землю:

– Я об этом всё время помню. Позволь в благодарность я тебя обниму.

Оскол широко раскинул свои руки и шагнул к Билюду. Ключник в ужасе, поглядывая на пятна навоза на его одежде, попятился назад:

– Ты чего это, чего?.. Задушишь ещё, медведь этакий. Ты это, заканчивай давай скорей, да свиней покорми. Там тебе уже девки целую бочку помоев подготовили, – и Билюд бочком, бочком посеменял прочь.

– Так я уж закончил, – заулыбался вдогонку ему Оскол.

В пекарне, куда зашёл Оскол, стоял стойкий кислый запах, перебиваемый ароматом свежеспеченного хлеба. Молодые, испачканные в муке девки и жёнки, месившие тесто, увидели Оскола, захихикали и, переглядываясь и бросая на него озорные взгляды, начали перешёптываться меж собой.

– Где здесь помой-то? – смущённо, переминаясь с ноги на ногу, спросил Оскол. – Билюд сказал, что для свиней приготовили.

– А ты Милолику попроси, чтоб показала, – засмеялись девки. – Тебе она не откажет.

– Ты чего сюда пришёл-то весь в дерьме? – властно закричала пожилая и дородная тётка. – Чай хлеб для князя и для дружины печём. Ещё не хватало, чтоб навоз ненароком попал...

– Тётка Скрева, так Билюд же сказал... – начал оправдываться Оскол, но та его перебила:

– Билюд наговорит, только слушай. Бочка, чай, во дворе, а не в пекарне.

Скрева отломил здоровенный кусок душистого и ещё тёплого только что испечённого хлеба и протянула его Осколу.

– Вот, поешь потом.

Милолика подошла к Осколу:

– Что ж ты так испачкался? Давай снимай хоть рубашку – постираю...

– Чего одну рубашку?! И портки снимай! – засмеялись девки. – Милолика, помоги ему.

Оскол не стал дожидаться очередных подначек, повернулся и вышел, закрыв за собой дверь.

– Злые вы, нехорошо человека обижать, – Милолика вернулась на своё место.

– Милолика, скажи, – допытывались девки, – не боишься с ним обниматься? Вон какие у него ручищи-то! Небось такой детина обнимет – все косточки захрустят.

– Нет, он ласковый, – улыбнулась она в ответ. – Он даже лишний раз обнять боится.

– Сватов не собирается засылать? – спросила одна.

– Пока нет. Обещал заслать, как только воином станет.

– О-о! – все засмеялись. – Когда это будет! Разве князь его от коровьих хвостов отпустит? Чтоб воином стать, надо мечом владеть, а не за хвосты коровам дёргать.

– Хватит парня оговаривать! – властно повысила голос Скрева. – Робкий – не значит плохой. И работы никакой не чурается. А ну хватит галдеть – работа не ждёт!

* * *

Оскол стоял в ручье, по колено в воде, и яростно отстирывал пятна навоза, вьевшиеся в рубашку. Выстиранные портки уже сушились на камне. Он в который раз потёр пятна глиной, а затем опять начал смывать водой.

– Оскол! – с крутого берега сбежал Рюрик. – А я тебя ищу. Мы же хотели с тобой ладью нашу конопатить.

– Там нужно несколько досок заменить – сгнили они от старости, а потом уж конопатить.

– А я надеялся, что под парусом в море выйдем.

– В следующий раз. Ты только смолы достань! – отжимая рубашку и вылезая на берег, сказал Оскол.

– Я достану! – пообещал Рюрик. – Тогда, может, на мечях сразимся?

– Можно и на мечях.

– А «солнышко» ещё раз покажешь? А то у меня не получается так же ногами перебирать.

– Покажу и «солнышко». Ты, когда его делаешь, о ногах не думай, а думай о противнике, понял?

– Понял. Оскол, смотри!

Отрок достал из-за пазухи кинжал в украшенных серебром ножнах.

– Откуда он у тебя? – раскладывая на камне рядом с портами рубашку, спросил Оскол.

– Князь подарил.

– Князь Яромир?

– Не-ет, – замотал головой Рюрик. – Князь Вратибор.

– Не называй его так. Он княжич, как и ты.

– А я буду... – надул губы Рюрик.

– Да никак ты злишься на князя Яромира?!

– А чего он! – у отрока дрогнул голос.

– Рассказывай, что случилось?

– Он меня прикормышем обзывает, да и дети его...

– А ты, значит, обиделся?

Рюрик, не ответив, присел на камень рядом с сушившейся одеждой Оскола.

– А ты терпи и помни, что ты – княжич. И обиду свою, и свой гнев не показывай. Не в этом сила княжеская. А сила княжеская – в поддержке народа и дружины. А сейчас, когда нет у тебя никакой ни того ни другого – терпи. А сила будет тогда, когда люди за тобой пойдут, когда дружина будет, когда правду людям будешь нести, а не зло и обиды. Здесь ты – никто, и за тобой никто не пойдёт. Потому что руяне помнят, что ты – бодрич. Может нам вернуться на родную землю?

Рюрик горестно покачал головой:

– Мне туда ходу нет. Как теперь докажешь, что я княжеского рода? Если бы моего отца не убили даны, то он бы после смерти князя Дражко стал князем, – произнёс Рюрик и добавил с нескрываемой злобой: – а не его младший брат Славомир... Представляешь, князь Яромир говорил, что мой дядя заключил союз с данами! С данами, которые убили моего отца! За это

король франков Людовик побил бодричей и посадил дядю в темницу¹. Так что теперь князем может стать мой двоюродный брат Цедраг² – сын князя Дражко. Может, да только он в заложниках находится у датского Готфрида.

Оскол помолчал, обдумывая сказанное Рюриком, а затем спросил:

– Так привечает, говоришь, тебя Вратибор? Вон и кинжал подарил!

– Это он подарил, чтобы меня с собой на данов не брать. Я просился, а он отказал. Говорит, что подрасти надо.

– Князь Яромир на данов собрался?

– Нет, он этого не хочет. Купец Остромысл охочих людей собирает, а Вратибор со своей дружиной ему собрался помочь.

– И много желающих набирается?

– Я не знаю, – Рюрик пожал плечами. – Только слышал, что всем, кто на данов собрался и кому нечем воевать, тем купец Градомир оружие в своей лавке выдаёт с последующим возвратом, конечно.

– Что же ты раньше-то молчал! – Оскол вскочил и начал натягивать на себя мокрые портки. – Знаю я эту лавку.

– Ты чего задумал, Оскол? – побледнел Рюрик.

– Я тоже на данов пойду. Настало моё время! Ты забыл, что и моего отца даны убили? Давай, помоги мне серебро достать.

Оскол подошёл к необхватному валуну, который и двоим не сдвинуть, и, ухватившись за край, натужился, стараясь приподнять его. Жилы у него на шее напряглись, лицо покраснело, но часть громадины немного оторвалась от земли. В образовавшуюся расщелину Рюрик засунул камень поменьше, подперев глыбу, чтобы она не встала на место. Оскол сунул под нее руку и, пошарив, достал кожаный мешочек с серебром.

– Вот оно – наше будущее! – позвенел монетами Оскол.

– А как же я?..

– А ты меня жди. Я из похода приду и буду первым воином в твоей дружине.

Оскол схватил мокрую рубашку и быстро начал подниматься вверх по крутому берегу ручья.

– Я буду ждать... – прокричал ему вдогонку Рюрик.

Оскол, прежде чем зайти в лавку к Градимиру, купил себе яловые сапоги на каблуках, и, надев их, почувствовал себя выше и значимее. Теперь он не какой-то там босяк, а самостоятельный парень, почти не отличающийся от большинства рюян. К Градимиру он зашёл с гордо поднятой головой, но тот довольно скучно спросил:

– Тебе чего?

– Так, это... На данов я собираюсь.

– А-а! Вон копьё, – показал Градмир на сложенные в углу копьё и щиты, – вон щит, забирай.

– Да мне бы меч...

– Всё остальное я продаю.

– У меня есть серебро, – Оскол достал мешочек и позвенел монетами.

– А ты знаешь, что за хороший меч можно шестнадцать коров купить?

– У меня вроде много, – неуверенно произнёс Оскол.

– А что ещё ты хочешь купить?

– Мне бы ещё шлем, щит и кольчугу, да не знаю – хватит ли? Ты посмотри...

¹ В 817 году верный вассал императора франков князь Славомир заключил союз с данами. Из-за этого император Людовик начал войну с ободритами, закончившуюся в 819 году пленением Славомира.

² Единственный сын князя Дражко в 809 году не смог унаследовать княжество своего отца из-за малолетства.

Градомир взял мешочек и пересчитал монеты:

– На всё не хватит. Решай, что будешь брать.

Оскол решительно произнёс:

– Тогда давай мне подберём кольчугу и шлем, да секиру потяжелей с топориком таким, поухватистой.

Градомир снисходительно смотрел, как молодой покупатель неумело примерял кольчуги и шлемы, выбирая подходящие. С секирой проблем не было, Оскол сразу выбрал одну из самых тяжёлых с длинной ручкой и несколько раз взмахнул ею, рассекая воздух. А вот щиты ему не понравились. Оскол один за другим перебирал их и, качая головой, откладывал в сторону.

– А потяжелее и попрочнее ничего нет?

Градомир усмехнулся:

– Щит должен быть крепким и лёгким, чтобы в бою не сковывал движения. В битвах-то не приходилось бывать?

– В молодости раз попал я под град стрел данов, а в бою с глазу на глаз с врагом не приходилось встречаться.

– Оно и видно... Бери любой щит – не пожалеешь!

Оскол не стал ничего объяснять и стоял на своём:

– Мне бы другой – потяжелее.

Градомир вздохнул:

– Есть у меня один щит, в бою добытый. Тяжёлый... Да только не берёт его никто у меня, и я его убрал с глаз долой.

Градомир вынес из-за двери овальный щит чуть длиннее человеческой руки и в верхней части сплошь окованный железом. Сверху вниз по центру щита протянулась металлическая полоса, дополнительно защищающая руку, но и утяжеляющая щит. С внутренней стороны щита не было планки, за которую обычно держат щит воины, а были ремённые петли.

Оскол сунул в петли руку, вытянув её горизонтально над полом, поднял щит и резко крутанулся. Щит со свистом рассёк воздух, как до этого секира.

– Вот такой мне щит нужен!

– А я смотрю, что не обделили тебя боги силушкой-то. Как твоё имя?

– Осколом кличут.

– Я со своими воинами тоже на данов собираюсь. Ты приходи вечером на берег, там ладья у меня. Со мной поплывёшь. Трудно тебе будет в первом бою неопытному-то. Постараюсь оградить тебя от ошибок.

Оскол в кольчуге, надетой на влажную рубаху, в шлеме и сапогах чуть ли не вприпрыжку спешил на княжеское подворье. Закинутый на спину щит и массивная секира за поясом немного сковывали движения, но это не мешало ему уверенно стучать каблуками сапог по деревянной мостовой.

На подворье он нос к носу столкнулся с ключником, который пытался пройти мимо, не узнав Оскола в его новом облике, а как рассмотрел, так и оторопел:

– Оскол, ты чего это? Ты чего это задумал-то?

– Всё, Билюд, ищи себе нового работника, который будет хвосты коровам крутить.

– Кем же мне тебя заменить? Кто же теперь за скотом присматривать будет? Что я князю скажу?

– Об этом теперь пускай у тебя голова болит.

Оскол обошёл ключника и, не оглядываясь, пошёл дальше. Перед дверью в пекарню он снял шлем и, пригнув голову, протиснулся в низкую дверь. Увидев его в воинском облачении, ставшего ещё выше от сапог на каблуках, в помещении все сразу замолчали.

– Милолика, я на данов ухожу с войском. Вот, попрощаться пришёл.

Девушка, вытирая подолом грязные в тесте руки, на ставших чужими ногах приблизилась к суженому. Оскол взял её за плечи, притянул к себе и, не стесняясь, жарко поцеловал в губы. Все ахнули, а Скрева, схватив два больших каравая, сунула ему в руки:

– Возьми в дорогу!

– Благодарствую! – Оскол поклонился и вышел.

– Милолика, какая ты счастливая! Какой он у тебя... – с восхищением, но в то же время чуть с завистью произнесла одна из девушек.

Милолика всхлипнула, а Скрева по-матерински обняла её за плечи и грустно промолвила:

– Ну что, Милолика, готовься сватов принимать, – и, помолчав, добавила, – если живым вернётся.

Глава 4

(819 г. от Р.Х.)

Порывистый ветер шевелил волосы Оскола, и под полными парусами ладьи ходко бежали по волнам, переваливаясь с борта на борт под их ударами, но Оскол, казалось, не замечал этой качки и крепко стоял на ногах, ни за что не держась.

– Я смотрю, ты в море не впервой... – подошедший Градомир казался угрюмым и чем-то озабоченным.

– Больше десяти лет уже под парусом не хаживал, – улыбался Оскол, смотря вдаль.

– И поэтому ты такой радостный?..

– Не только. Жажду посмотреть на кровушку данов.

– Не боишься, значит?

– Обида есть, есть злость, а страха нет. Как учил меня отец: главное – рассудок в битве не потерять.

– Мыслишь здраво. Посмотрим, как в бою себя поведёшь. А чего кольчугу свою не снимешь? Упадёшь, случаем, за борт, и утянет она тебя на дно.

– Привыкнуть мне к ней надо. А ты чего такой сумрачный? Воинов в дружине много, да и ладьи на волнах – загляденье.

– Поспешно мы на данов собрались, а Святовиту даров сделать не удосужились. Как бы не осерчал он на нас!

– А чего спешили-то?

– Так весть передали, что их воины в набег уплыли...

– Значит, их крепости охранять некому?

– Да какие там крепости! – презрительно махнул рукой Градомир. – Название одно. Таких городов, как у славян, у данов нет, кроме Худяби. Селения у них. Живут в больших домах, а несколько строений тыном огорожены. А вот Худябя – город. Его Готфрид построил руками бодричей, которых он вывез на свою землю после того, как побил их.

Улыбка слетела с лица Оскола, и он хриплым от волнения голосом произнёс:

– Так может сейчас на эту Худябю и нападём?

– Этот град расположен на берегу узкого залива, далеко вторгающегося в сушу. Скрытно к нему с моря не подобраться, а чтоб охватить город со всех сторон – сил у нас маловато. Может потом как-нибудь, если князь решится. А пока один из островов пощипаем... Куда правишь, бестолочь? Не видишь, что ладья наперерез другой плывёт?.. – вдруг закричал Градомир на рулевого и бросился помогать замешкавшемуся воину.

Ночь пролетела, и в утреннем сумраке ладьи славян неторопливо подплыли к лесистому берегу. Оскол вслед за другими спрыгнул в воду и помог вытащить корабль на берег. Остромысл с княжичем Вратибором, оставив небольшую охрану, повели воинов вглубь острова. Оскол с ратниками Градомира осторожно пробирался сквозь заросли леса, пока не вышел

на большую поляну, застроенную длинными строениями, каждое из которых было огорожено частоколом. Славяне молча устремились к близстоящему дому. Одни перелезли через забор, другие распахнули ворота, и после этого зазвенели мечи и раздались крики поверженных данов.

Оскол не бросился со всеми к дому, а ринулся дальше, считая, что Градомир со своими воинами справятся и без него. Уже отовсюду слышался шум битвы. Оскол подбежал к одному из домов, стоящих на отшибе и не огороженных тыном. Из дома навстречу ему друг за другом выскочили три вооружённых дана. Первому, парировав щитом удар его меча, Оскол нанёс страшный удар секирой, разрубившей доспехи врага и вошедшей в него чуть ли не до обуха. Второго, совсем ещё безусого отрока, он свалил с ног щитом, а затем добил его, лежащего на земле. Оскола даже не остановили налитые ужасом приближающейся смерти глаза парня. Третий оказался более искушённым. Он уворачивался и отпрыгивал от взмахов секиры и не подпускал близко к себе, иногда взмахивая мечом и пытаясь достать противника. Тогда Оскол после очередной неудачной атаки просто устремился на него, прикрываясь щитом. Сократив между ним и собой расстояние, он рубанул дана по ноге чуть выше колена, заставив его потерять равновесие, а затем следующим ударом лишил его жизни.

Оглядевшись и не заметив кругом врагов, Оскол осторожно вошёл в дом. В полутьме он увидел множество людей, которые настороженно смотрели на него. На всех были надеты металлические ошейники. Оскол опустил щит и секиру и громко крикнул:

– Вы кто будете?

После его вопроса люди оживились и радостно загудели:

– Рабы мы, а сами из вагров да бодричей. Чуем, что война началась с данами, раз ты их побил?! Знать, волюшку-то опять обретём! А сам-то ты из какого племени?

– Сам я бодрич, но живу среди руян. Вот руяне и решили немного данов усмирить, а то разбойничают много. Мне повезло: на вас наткнулся. Теперь опять свободными будете. А кроме вас-то ещё здесь рабы есть?

Вперёд вышел коренастый бородатый мужик:

– Корлином меня зовут. Вагр – я. Видел здесь неподалёку дом, который даны уж больно хорошо охраняют и никого к нему не подпускают.

– Так покажите где... – встрепетнулся Оскол.

– Много их там. Тебе одному не справиться, – Корлин повернулся к остальным: – Вооружайтесь, чем можете! Поможем молодцу. Жёнки и дети здесь останьтесь!

Затем, подобрав у убитого дана меч, повёл за собой Оскола и почти два десятка бывших рабов. По пути несколько раз возникали стычки с попадавшимися им врагами, которых славяне просто сметали, оставляя убитых и забирая у них оружие. Перед воротами у частокола дома, куда вывел всех Корлин, стояла охрана из десяти человек, настороженно вслушиваясь в раздававшийся с разных сторон шум битвы. Увидев вооружённых людей, они сбились в кучу и оцетинились мечами. Оскол, прикрываясь щитом, первый бросился на них, круша секирой направо и налево. Поддержавшие его славяне быстро расправились с данами.

За воротами их встретили четверо добротного одетых людей. Один из них – по виду воин, но хотя и без оружия, выступил вперёд:

– Вы что, взбунтовались? Здесь сын князя Дражко Цедраг. Погубить его хотите?

Оскол разглядел среди стоявших напротив самого молодого, недоверчиво смотрящего на появившихся:

– Ну, здравствуй, князь бодричей Цедраг! Считаю, что взбунтовались. А помог им в этом я.

Заинтересованный Цедраг подошёл и встал рядом:

– Ты почему меня зовёшь князем? Я княжич, а князь бодричей – Славомир.

– Славомир заключил союз с данами и сейчас сидит в темнице короля франков. Так что теперь ты князь бодричей.

– А ты кто сам-то будешь?

– Я-то? – усмехнулся Оскол. – Я Оскол – дружинник Рюрика, сына твоего дяди Годослава.

– Не было такого сына у Годослава, – мрачно заметил стоящий рядом с Цедрагом воин. – Один был сын у Годослава, да и тот, видимо, погиб – ни слуху от него, ни духу... Я сам дал ему в провозатые двоих воинов, чтобы они охраняли княжича в пути к его деду, но не вернулись они.

– Честимысл, Мезислав и мать его Умила погибли: стрелами нас даны закидали, а Рюрик и я выжили и от них на ладье сумели уплыть.

– Да, так звали воинов. Но сына Годослава звали Юрий!

– Юрий, Юрик, Рюрик – какая разница? Главное – он живой остался!

– Так Юрий жив? – обрадовался воин.

– погоди, Траскон, – нахмурился Цедраг. – Я его помню. Он сейчас – отрок, а ты хочешь сказать, что его дружина напала на данов, чтобы освободить меня?

– Да, Рюрик ещё отрок, и находится сейчас у князя Яромира. А напали охочие люди руян и княжич Вратибор со своими русичами, бывшими воинами князя Руса Бравлина. Что ты здесь – никто не знал. Пока воинов данов нет, вот и решили поживиться за их счёт. Не всё же им разбойничать!

– А с чего ты взял, что данов нет?

– Так весть нам пришла, что они в набег на фризов ушли.

– Что-то я не заметил, чтобы здесь их воинов меньше стало, – заметил Траскон, а Корлин добавил:

– Да и ладьи их как стояли за мысом, так и теперь стоят.

– Та-ак! – протянул Оскол. – Значит, вляпались в дерьмо...

– Слышите, – заметил Цедраг, – как будто битва тише стала?!

Оскол прислушался: шума и звона оружия уже не было слышно, и только изредка раздавались визги и крики женщин данов, которых хватали славянские воины для своих утех.

– Действительно тише – видно неспроста. Надо к войску возвращаться, а то нас даны поодиночке только так побьют, – Оскол повернулся к бывшим рабам. – Ну, кто вместе со мной? Кто не побоится кровь пролить за свою свободу?

– Веди нас, Оскол. – ответил за всех Корлин.

– Мы пойдём с вами. Траскон, – Цедраг повернулся к боярину, – подбери мечи у убитых!

– Останься, князь! – мрачно произнёс Оскол. – Чую я, страшная сеча будет. Немногие могут выжить...

– Мой долг с бодричами вместе в битве быть! – гордо ответил Цедраг, и Оскол не стал ему возражать.

Оскол быстрым шагом повёл всех к оставленным на побережье ладьям славян. Из ворот одного из домов его окликнул Градомир:

– С кем это ты, Оскол? И куда спешишь? Помоги лучше добычу отнести!

– Беда, Градомир! – бросился к нему Оскол. – Со мной князь бодричей Цедраг и его люди. Так они говорят, что даны с острова никуда не уплывали.

– Во-он как дело повернулось! – протянул Градомир и окликнул одного из своих воинов: – Гудой, найди Остромысла и передай ему эту весть. Пусть со своей дружиной срочно на берег идут. Заодно и остальных по дороге собери – сейчас вместе держаться надо.

Славяне оставили селение и чуть ли не бегом направились к побережью, по дороге собирая своих воинов. Из-за деревьев показались вытасненные на песок ладьи, которые обороняла дружина Вратибора от окруживших их со всех сторон врагов. Градомир и Цедраг останови-

лись, оглядывая сражение. Около трёх сотен данов пытались сломить сопротивление рюан, но те стойко оборонялись, хотя среди них были уже убитые и раненые.

– Эх, сколько их! – заскрипел зубами появившийся около Градомира Остромысл.

– Чего стоим? – мрачно спросил Оскол. – Сечи всё равно не избежать.

– И то правда! – почему-то весело воскликнул Остромысл и, подняв щит, шагнул в сторону битвы.

Часть данов повернулись к появившимся у них за спиной славянам. Они сомкнули щиты, выставили копья и неспешно и сплошной стеной шагнули навстречу. Остромысл со своими воинами попытался с налёту пробить этот строй, но противник отбил наскок и всё также неторопливо продвигался вперёд.

– Эх, не так надо, – процедил сквозь зубы Оскол. – Жалко, что Рюрика здесь нет, а то увидел бы как данов «солнышко» прожарит!

Он выскочил перед строем славян, согнул туловище параллельно земле, выставил как крылья птицы в разные стороны свой тяжёлый, окованный металлом щит и секиру и на полусогнутых ногах закружился, приблизился к врагу и начал ими отбивать в сторону копья, крушить противника, нанося раны и сбивая с ног. В появившуюся брешь вслед за Осколом бросились рюане, вагры и бодричи. Пробив стену, Оскол распрямился и, мотая закружившейся головой, отпрянул за спины славян передохнуть.

– Славно ты их!.. – похвалил его оказавшийся рядом князь Цедраг, отбивая удары недругов вместе с Трасконом.

Оскол огляделся: враги снизили натиск на воинов Вратибора и, наоборот, бросили всю мощь на появившегося противника. Некоторые воины уже сражались с двумя, а то и с тремя данами. Недалеко от Оскола Остромысл сдерживал аж четырёх, и было видно, что он с трудом отбивал удары противника.

– А-а-а! – с яростным криком бросился Оскол ему на помощь и двумя страшными ударами секиры перерубил двоих.

Неприятель отхлынул от неожиданной поддержки, и, залитый кровью врагов Остромысл, только улыбкой поблагодарил Оскола. Страшная это была улыбка! На искривлённом яростью лице с налитыми бешенством битвы глазами она вызвала скорее ужас, а не радость. Увидев перед собой славянина, который смог разрушить их, казалось, неприступную шеренгу воинов, даны с новой силой набросились на Оскола и Остромысла, надеясь обрести славу победы над таким умелым воином. На помощь соплеменникам бросились славяне, но под напором большого количества врага они отступили.

Рядом с Осколом остались Остромысл, подоспевший им на помощь Траскон и ещё один воин, который вскоре пал, пронзённый копьём. Оставшись втроём, они встали в окружении данов спиной к спине и с трудом отбивали наскоки врага. Мешавшиеся под ногами трупы сковывали движения, приводили к тому, что приходилось оступаться и спотыкаться. Одно такое неуклюжее движение чуть было не стоило Осколу жизни, но подоспевший Остромысл заслонил его собой и отбил предназначавшиеся Осколу удары.

Свистнули стрелы, и сражающиеся с Осколом, Остромыслом и Трасконом даны попадали на землю. Оскол оглянулся: воины Вратибора, почувствовав ослабление натиска противника, сами усилили напор и начали приближаться, а из-за их спин летели стрелы. Он вдруг почувствовал, что враг не так уж яростно нападает, а начинает шаг за шагом отступать и, наконец, его стройные ряды рассыпались. Одна часть данов, бросилась к ближайшим деревьям, пытаясь скрыться за спасительной зеленью, и вдогонку им полетели стрелы-убийцы, а другая часть отступила к кромке воды, и окружившие врагов рюане, бодричи и вагры начали методично их уничтожать.

Всё было кончено. Оскол стоял среди трупов на залитом кровью берегу. Со всех сторон слышались стоны раненых. Славяне ходили между тел и выискивали ещё живых. Своих пере-

вязывали и осторожно относили на ладьи, а данов безжалостно добивали. К Осколу повернулся Остромысл:

– Славная была битва! Выстояли русичи, а ты вовремя им подмогу привёл. Одним словом – молодец, храбро сражался и меня в бою спас.

– Да и ты меня от смерти оберёг...

Вокруг них начали собираться выжившие. Подошедший Градомир озабоченно произнёс:

– Уходить надо, а то даны могут вернуться.

– А добычу бросить? – не согласился с ним Остромысл. – Разве не за этим мы сюда приплыли?

– Добыча живым нужна, а ты посмотри – сколько народу побито! – мрачно произнёс Крутослав – воин княжича Вратибора. – Да и покалеченных много!..

– Всё в руках богов! – беззаботно махнул рукой Остромысл.

– Вот-вот, и я о том! – продолжил русич. – Взывай к Святовиту, Остромысл, княжича Вратибора здорово посекали даны, а ты закон знаешь...

Крутослав не договорил и пошёл прочь, а за ним двинулись и остальные воины. Остромысл враз изменился в лице и двинулся вслед за ними.

– О каком законе он говорил? – с недоумением спросил Градомира Оскол.

– Не надо пока об этом. Боги всё видят, Святовит видит, и я видел, как ты храбро сражался. Такие воины мне нужны. Ты лучше скажи о другом: не зря, значит, ты такой щит выбирал? Откуда у тебя такое умение?

– Отец в молодости учил, как видно знал, что может пригодиться мне в жизни.

– Видно – знатный воин был твой отец! – вмешался князь Цедраг. – Как его имя?

– Раковором его величали.

– Постой, постой! Знакомое имя, – воскликнул Траскон.

– Гонцом он был направлен к князю Дражке, и не вернулся. Сказали, что погубили его даны.

– А-а, гонцом! – протянул Траскон. – Помню я его. Послал его князь Дражка за помощью к лютичам. Ан видишь, как произошло! Не даны его погубили, а страшной смертью замучил его князь лютичей Милогост.

Потемнел лицом Оскол, а князь Цедраг, медленно растягивая слова, произнёс:

– Вот видишь, Оскол, и твой отец служил князю бодричей. Служи мне! Дел много – беспокойно сейчас на нашей земле.

Оскол отрицательно помотал головой:

– Я уже выбрал князя. Мой князь – Рюрик, а я его дружинник.

– Возьми нас в свою дружину, Оскол! – загалдели стоящие рядом «охочие люди» ругая или как их называл Остромысл – «бездельники». – Мы с таким воеводой, как ты, огонь и воду пройдем! Ты же видел – воевать мы умеем. Ну что, возьмёшь?

– Возьму, но не в свою дружину, а в дружину князя Рюрика.

– Согласны! – обрадовано зашумели теперь уже дружинники Рюрика. – А ты у нас за воеводу будь!

– Хватит медлить! Уходить надо, – услышав эти слова, раздражённо пробурчал Градомир. – Ты со мной, Оскол, или со своей дружиной?

– Как уходить? А жёнки и дети бодричей там остались.

– Уже не остались, – сзади Оскола ответил Корлин. – Я людей послал, чтобы сюда их вели. А ещё послал, чтобы две ладьи данов сюда пригнали, а у остальных днища топорами пробили, чтоб неповадно гнаться за нами было. Спаси тебя боги, Оскол, за заботу о нас. Не забудем мы этого. И если помощь будет нужна или беда какая, то дай весть – обязательно на помощь придём.

Цедраг внимательно оглядел рюан, окруживших Оскола, бодричей и вагров во главе с Корлином и недовольно поджал губы.

* * *

Славяне плыли под парусами к родным берегам. Уже давно скрылся из глаз берег данов, а Оскол всё оглядывался назад, выискивая – нет ли погони? Во всех ладьях были раненые, а также отдельно лежащие, прикрытые плащами мёртвые, которых планировали предать огню на родной земле.

– Оскол, – окликнул его дружинник Таислав, – русичи сигналият. Что делать будем?

Оскол увидел, как на одной ладье упал парус, и к ней начали приставать остальные ладьи русичей.

– Спускайте парус и доставайте вёсла! Посмотрим, что там случилось.

– Опасно, Оскол! Как бы ладьи не повредить!

– Ничего! Волны не такие большие – выдержат.

Посреди моря, сгрудились суда славян. Под напором волн их борта ударялись между собой, тёрлись, сдирая смолу с досок, но все понимали, что только важное событие может вот так собрать в единое целое посреди моря эти струги.

Крутослав и все русичи стояли без шлемов, и их длинные клоки волос, оставленные на выбритой голове, развивались на ветру. Перед ними, смотря перед собой вдаль, стоял Остромысл.

– Ты повёл всех в набег, тебе и ответ держать, – Крутослав говорил громко, стараясь, чтобы каждое его слово не заглушали ни шум волн, ни удары бортов ладей. – Не уберегли мы все князя Вратибора. Да, князя! Для нас он – князь. Ты закон знаешь, и не мне тебя учить!

Остромысл вздохнул и снял с себя меч в ножнах:

– Так тому и быть. Я готов!

– погоди! – Крутослав выставил вперёд свою ладонь, останавливая Остромысла. – Перед смертью князь Вратибор просил выполнить две его просьбы: позаботиться о своём сыне Миротлаве и не убивать тебя. Мы выполним волю князя и оставим тебя в живых, но ладью ты должен покинуть!

Оскол в душе ужаснулся: покинуть ладью в море, где не видно берега – это неминуемая гибель, но Остромысл не показывал страха:

– Я чту закон и выполню его. А ещё я должен отдать свой меч тому, кого я считаю достойным носить его, – он нашёл глазами Оскола. – Оскол, возьми этот меч! Вы все видели, как он бился, и поэтому я ему передаю свои ладьи и имущество. Желыба! – Остромысл позвал одного из своих воинов. – Вот вам новый воевода! А нет, то ищите себе нового.

Желыба, соглашаясь с Остромыслом, кивнул головой, а тот, скинув сапоги, прыгнул с ладьи в воду.

– погоди! – Оскол схватил пустой бочонок и кинул ему вслед. – Может это тебе поможет...

Остромысл охватил одной рукой бочонок, а другой начал грести, удаляясь от ладей.

– Не захотел, значит, ты его гибели, – Крутослав пристально взглянул на Оскола.

– Не захотел... Спас он меня в бою.

– Не боишься, выходит, нарушить закон?..

Оскол промолчал, а Крутослав понимающе кивнул головой:

– В бою он спас тебя, ты спас его, ты спас и нас. И сейчас хочешь ему помочь. Нет ничего выше доблести, чем выручить из беды своего товарища. Я видел, как ты бился с данами. Хорошо бился! Если бы был жив князь Рус, то он непременно бы взял тебя в свою дружину. Ты духом наш. Многого может достигнуть тот князь, у которого есть такой воин. Вот тебе моя рука. – Крутослав протянул Осколу руку, и тот пожал её. – Знай, когда будет тебе трудно, то всегда можешь обратиться к русичам.

У рядом стоящего князя Цедрага от услышанного нахмурились брови. Он ещё раз поглядел на Оскола, на мелькающего среди волн с бочонком Остромысла и, цедя слова сквозь зубы, промолвил:

– Ну что, закон исполнили – пора в путь!..

– Да, пора, – согласился Градимир, и славяне, поставив паруса, направились к родным берегам: ладьи руян и русичей с изрядно поредевшим войском – к своему побережью, а бодричи и вагры на бывших ладьях данов – к своему, и только Цедраг на своём судне замешкался. Он смотрел на удаляющиеся ладьи, и на лице его возникло недовольство:

– Не по нраву мне этот Оскол, хотя, надо признать, воин он отменный, – Цедраг посмотрел назад, туда, где боролся с волнами Остромысл.

– Чего так? Ведь он нас спас, – не понял Траскон.

– Много чести ему воздали. Освободить нас – это был его долг. А ты слышал, как он сказал: «Я дружинник князя Рюрика!» Ты слышал – князя! А каких это таких земель?..

– Так у его отца Годослава был удел. И он твой брат...

– Эта земля сейчас под моей дланью, а насчёт брата... – после паузы Цедраг добавил: – Надо ещё посмотреть – мой ли он?

– Как ты думаешь, князь: почему Славомир находится в темнице у императора франков, а не княжит у бодричей?

Цедраг недоумённо пожал плечами:

– Почему?..

– Не простил ему народ ему союз с данами. Не поддержали его бодричи в его делах неправедных, а без этого править тяжко.

– Народ не поддержит – поклонюсь в ноги франкскому императору Людовику. С его поддержкой нам сила данов будет не страшна.

Траскон внимательно посмотрел на князя, и это не ускользнуло от него:

– Что смотришь?

– Как ты похож на своего отца!

Князь Цедраг самодовольно улыбнулся:

– Он многому чему меня научил. А сейчас скажи людям, чтобы свернули парус – на вёслах пойдём.

– Зачем? Под парусом-то быстрее...

– Я тоже не боюсь нарушить закон.

Глава 5

(819 г. от Р.Х.)

– Не спеши! Не спеши! – прерывисто дыша, тихо шептала служанка, которую камергер императора Людовика Бернар, приобняв, затащил в тёмный угол недалеко от императорских покоев.

Он целовал её голые груди, а руки настойчиво поднимали подол её платья.

– А вдруг император зайдёт?

– Не волнуйся, глупышка! Он сейчас молится, – успокоил девушку камергер и долгим поцелуем заставил её замолчать.

– Бернар! – раздался грозный окрик.

В проёме двери стоял император франков Людовик:

– Ты всё никак не утихомиришь свою похоть?!

Нисколько не смущаясь, девица опустила подол своего платья, и на ходу пряча под одеждой свою голую грудь, выбежала из комнаты. Бернар, потупившись, принял почтенную позу:

– Я весь во внимании, государь!

– Бернар, я устал от мирской жизни и поэтому принял решение постричься в монахи³.

– Помилуй, государь! Государство без правителя, что новорождённый без титьки.

Император надменно приподнял голову:

– *Alea jacta est!* – произнёс он на латыни, что означало – жребий брошен. – Империя в надёжных руках моих сыновей. Так что не медли и собирайся в путь! Много людей не бери, только охрану. Выезжаем сегодня же...

– А куда направляемся, государь?

– Мой друг Бенедикт Анианский⁴ посоветовал мне монастырь в пригороде Вероны. Данная обитель особо отличается праведностью бытия и служению Господу.

Озабоченный и расстроенный этой неожиданной прихотью Бернар шёл по императорскому замку в Ахене, направляясь к комнатам, где отдыхали воины, охраняющие дворец. В одном из коридоров он нос к носу столкнулся со своим братом Госельмом – графом Руссильоном. По его яркому румянцу на щеках и по нетвёрдой походке было видно, что тот изрядно пьян:

– Бернар, ты куда спешишь? Выпей с нами! – граф показал на закрытую дверь за своей спиной. – Я сейчас ещё принесу вина.

– Некогда веселиться, Госельм! Беда! Император Людовик решил удалиться в монастырь!

– А тебе-то что? – развязно улыбнулся брат. – На то он и государь! В его власти делать то, что он хочет.

– Как ты не понимаешь? На кого останется империя? На его сыновей? Они и сейчас не ладят друг с другом, а потом и вообще дойдёт до войны.

– Нам ли её бояться?!

Бернар в ярости схватил брата за грудки:

– Власть императора – это власть одного человека. И его прихоти и несправедливости – это несправедливости и причуды тоже одного... С этим можно смириться. А если в государстве смута и полно правителей, то зла будет во сто крат больше, беды не обойдут стороной никого, могут пролиться реки крови, и можно запросто потерять то, что уже имеешь.

– А может в этой неразберихе получится и прихватить что-нибудь ещё, а? – Госельм щёлкнул пальцами у себя над головой.

Бернар отпустил брата:

– Ты пьян и не видишь дальше своего носа.

– Наоборот, я трезв. А вот когда я принесу ещё вина, то тогда может быть...

Госельм повернулся и, покачиваясь, пошёл прочь.

Бернар толкнул дверь, из которой вышел брат. За столом, вальяжно развалившись, сидели три графа: Ламберт Нантский, Матфрид Орлеанский и Вельф Баварский. Судя по виду, Вельф был самым трезвым, и поэтому Бернар обратился к нему:

– Император Людовик выразил желание посетить монастырь рядом с Вероной. Ваше сиятельство, распорядитесь насчёт охраны. Выезжаем сегодня же.

Едва граф Баварский скрылся за дверью, Бернар продолжил:

– Вы бы прекращали с выпивкой – император не любит пьяных, а вам придётся его сопровождать.

Матфрид, подняв голову, гордо произнёс:

– Моя рука в любом состоянии способна держать меч.

Бернар сдержал улыбку и вышел, не прикрыв полностью за собой дверь.

³ Огорчённый смертью любимой жены Ирменгарды император решил удалиться в монастырь.

⁴ Монах Бенедикт Анианский был главным советником по церковным вопросам Людовика в бытность его королём Аквитании, королевства, которое в составе империи, возродил Карл Великий.

– Ты слышал, что он сказал? Людовик направляется в Верону, – услышал Бернар голос графа Нантского. Камергер остановился и прислушался.

– А тебе-то что из этого? – спросил Матфрид довольно грубо.

– Ха! Так в Верону можно проехать и через владения графа Баварского. Ты знаешь, я был как-то проездом у него в гостях. У Вельфа такая дочь – пальчики оближешь: стройная как лань, взгляд – ангела, её пухлые губки так и жаждут поцелуя, щебечет как птичка, одним словом – красавица. А жеманница!.. Зовут – Юдифь. И, судя по всему, она не чурается плотских утех. Ещё чуть-чуть и я бы её обломал.

Бернар сделал значительное лицо при этой вести и продолжил слушать.

– Зачем тебе это – «обломал»? Нет ничего лучше для воина, чем меч! – было слышно, как граф Орлеанский вынул из ножен свой кинжал и опять его задвинул. – И нет ничего лучше, чем война: здесь тебе и добыча, и любая девка твоя. А ты – «обломал»!

– Интересно, а что он забыл в этом монастыре?

– Может он считает, что там Бог скорее услышит его молитвы? Или хочет соответствовать своему прозвищу? Как же – Людовик Благочестивый! Мне эта благочестивость вот здесь, – Матфрид постучал ребром ладони по шее чуть ниже затылка.

– Чем же она тебе не нравится?

– Ладно, пусть... – граф Орлеанский закачал головой. – Я не против того, что при вступлении на престол Людовик заточил в темницу любовников своих сестёр, а их самих постриг в монахини. Пусть... Какое мне дело до баб?! Пускай император отстранил всех соратников своего отца, которые тому служили верой и правдой, и заменил теми, кто прислуживал ему, будучи в Аквитании. Это его воля. Но зачем он раздал всё имущество Карла Великого монастырям и церквям? Поэтому он Благочестивый?.. А разве не мог Людовик от щедрот своих выделить хоть что-то незаконнорождённым сыновьям короля Карла? А?

– У тебя сейчас в голове сумбур и нездоровая благотворительность – нужно срочно прочистить мозги и выпить! Дети короля Карла! Что о них думать! Что ты о них беспокоишься?

Матфрид не ответил, а взял стоящий перед ним кубок и попытался отхлебнуть от него, но тот был пуст. Граф раздражённо стукнул им по столу:

– Где Госельм с его вином?

– Ты не ответил на мой вопрос, – не унимался Ламберт.

– А может я один из них, и обидно, что мне ничего не досталось из богатства моего отца... А может мне по крови суждено быть герцогом, а не графом?

– Ха-ха-ха... Так ты – брат императора Людовика? Поэтому к тебе так благосклонно относится архиепископ Меца?!

Матфрид осоловело уставился на собеседника, потом поник головой и после небольшой паузы произнёс:

– Может – брат, а может – и нет... К чему ворошить прошлое... Обо всём ведаёт Господь, в том числе и о кровных узах, а я здесь сижу, пью с вами этот божественный нектар из перебродивших ягод и не хочу кончить так же, как мои братья Гуго и Дрого⁵, а ещё не хочу, чтобы об этом знал Людовик. Так где же этот граф Руссильон с вином? – вдруг закричал граф Орлеанский.

Бернар тихо покинул своё место и пошёл, размышляя: сколько всего можно узнать из пьяных разговоров, и как в дальнейшем это может пригодиться.

* * *

⁵ Сводные братья Людовика участвовали в мятеже 817 года, поднятого племянником императора – королём Бернардом Итальянским, сыном его брата Пипина. Братьев после подавления мятежа насильно постригли в монахи.

Императорская кавалькада на окраине Ахена повстречалась с двумя десятками конных воинов, которые ехали навстречу и довольно непочтительно сгоняли со своего пути всех, кто мешал им следовать дальше. Граф Орлеанский вытащил меч и грозно закричал на них:

– В сторону! Здесь император Людовик!

Всадники дороги не уступили, но один из них спешился, снял шлем и, гремя шпорами, направился к императору.

– Бернар, кто это? – равнодушно спросил Людовик, не выказывая ни страха, ни удивления.

Маркиз выехал навстречу воину и своим конём загородил от него императора:

– Ты кто?

– Я – Цедраг, сын князя бодричей Дражко – союзника императора франков. Вот вырвался из плена данов и прибыл засвидетельствовать ему своё почтение.

– Ты приехал только за этим? – всё также равнодушно спросил император.

– Сейчас у бодричей нет князя, а эта земля принадлежит мне по праву. Ты держишь у себя моего дядю Славомира, который отдал меня данам в качестве заложника. Я бы не хотел скорейшего его освобождения. Пусть он почувствует на своей шкуре – каково быть в заточении.

– Так ты боишься смуты? – впервые Людовик улыбнулся. – И хочешь быть законным князем? Что ж, ободриты⁶ – хорошие подданные. У меня с ними было не очень много проблем. Но сейчас я отдаляюсь от всех дел в империи, а те земли находятся под протекторатом моего сына Лотаря. Я думаю, что он тебе поможет. Бернар, напиши ему от моего имени!

Император пришпорил своего коня, и кавалькада тронулась в путь, оттеснив славян. Мимо Цедрага, обтекая его с двух сторон, проезжали воины франков и насмешливо смотрели на князя сверху вниз, но он не сделал и шага, чтобы уступить им дорогу. И только когда последний франк миновал князя, тот направился к своей дружине. Цедраг сел в седло, взял из рук Траскона поводья, за которые тот придерживал его коня, и, хмурия брови, смотрел вслед удаляющимся всадникам. Он был зол и раздражён, так как совсем не ожидал встретить такого холодного приёма. Боярин, похлопывая ладонью по шее своей лошади и смотря в ту же сторону, что и князь, мрачно произнёс:

– Ещё недавно мы были союзниками. Ты слышал, княже, – теперь мы превратились в его подданных.

– Это он так считает.

– Как бы император не считал, но если мы приезжаем кланяться франкам, чтобы он позволил тебе стать князем бодричей, то уже являемся их подданными.

От укора этой правды Цедраг с яростью взглянул на Траскона:

– Ты много себе позволяешь! Я – князь или не князь?! Как ты смеешь дерзить мне?

Он выхватил плетёную жезл и хлестнул боярина по спине. Воин не вздрогнул и не попытался уклониться, только на миг зажмурил глаза. Надетая на тело кольчуга украла этот удар, но сам этот поступок был оскорбителен.

– Ты – князь, – спокойно ответил Траскон. – Я всю жизнь служил бодричам и вашей семье и всю жизнь говорил правду. Но я тебе не раб, а вольный человек. А вольные люди сами решают, кому им служить, и быть подданным императора франков у меня совершенно нет желания.

Злость переполнила Цедрага:

– Что, отправишься к Рюрику?

– Может быть.

– Ты жестоко поплатишься за это!

⁶ На западе бодричей называли ободритами.

– Я никогда не боялся смерти, а тем более угроз. Прощай, князь! – Траскон повернул коня, а вслед за ним поскакали и четверо воинов.

Цедраг с ненавистью смотрел им вслед.

– Глупец! – чуть слышно прошептал он. – Земля бодричей – моя земля, и никому другому я её не отдам. Тем более Рюрику...

* * *

Шумный прибой бил о берег. Высокие волны налетали на большие камни, выступающие из воды, перекатывались через них с большим количеством брызг, набегали на узкую полосу песка вперемешку с галькой, и, откатываясь, оставляли хлопья белой пены. Взобравшийся на большой валун Корлин, прищурившись, смотрел на небольшую ладью, на которой три рыбака упорно сражались с кипящими бурунами, без усталости работая вёслами. Судно, перекатываясь с волны на волну, медленно, но неумолимо приближалось, пока у самого берега не уткнулось днищем в дно. Из него в море прыгнули мореходы и начали вытаскивать корабль на отмель. Он раскачивался, грозя подмять под себя замешкавшихся, но людей это не останавливало. Набегавшие волны захлёстывали их брызгами и поднимали судно над дном, помогая продвигать его к берегу.

Корлин, не раздумывая, бросился в воду:

– Войдан, давай подсоблю!

Он вцепился мёртвой хваткой за борт ладьи и, напрягая жилы, чуть приподнял её нос. Её протащило ещё на несколько шагов, и она, наконец, заскрипев днищем по гальке, остановилась, перестав поддаваться усилиям людей. Войдан, прерывисто дыша и глотая воздух после каждого слова, произнёс:

– Всё... Теперь... Она... Никуда... Не денется... – переведя дух, продолжил: – А ты, значит, выжил после битвы с данами? Давненько я тебя не видывал. Ну, дай хоть обниму на радостях!..

Друзья обнялись, и Войдан продолжил расспросы:

– Где же ты пропадал? Как жил?.. Рассказывай!

– У данов в рабах все эти годы провёл, – хмуро ответил Корлин. – Вот вернулся, а вместо дома – пепелище, да и жену с детками не нашёл...

– Так не пожалели их франки – побили, когда князя Славомира усмирять приходили.

– Та-ак! – Корлин сжал в кулаке свою бороду.

– Много народу тогда они погубили, – продолжил Войдан, – не щадили никого, лютовали сильно. А как на помощь морачане, варны, глиняне и смольняне подоспели, так вороги и при-смирели, но Славомира с собой забрали. Вот и Попельвар тогда погиб. Осталась после него эта посудина, на ней мы с сыновьями и промышляем...

Корлин окинул взглядом молодцов:

– Сыновья?! Не узнал – подросли. А ты сдал, Войдан! Ладью на берег вытащил и задыхаться начал. Раньше так не уставал.

– И не говори! – махнул рукой Войдан. – Сам уж чувствую. Видно боги скоро заберут меня к предкам. Жалко, что детям нечего оставить – всё франки разорили. Вот Тыре эту посудину старую отдам, а Еловиту – только меч в руки, и пусть он с ним удачу ищет. А ты-то что делать собираешься? Может – с нами рыбачить будешь? Как раньше...

Корлин помотал головой:

– Хватит, нарыбачился!.. Дожили: мало мы с лютичами воевали, так ещё нас даны начали притеснять, да и франки тоже... А Цедраг ещё к ним на поклон поехал.

– Цедраг объявился? – удивился Войдан, а его сыновья – Тыра и Еловит, выгружая из ладьи корзины с рыбой, с интересом слушали Корлина.

– Вот я и говорю: не тот у нас князь, не тот! С таким любой нас унижать может.

– Да где ж другого-то взять? – вздохнул Войдан. – Силушка-то у нас немалая, но сами-то, – он растопырил пальцы, – вон чего! А с хорошим князем нас не сломить!

– Есть для нашего народа такой – сын князя погибшего Годослава – Рюрик.

– Да ну?! Живой?

– Живой, – кивнул головой Корлин.

– А чем он лучше Цедрага?

– С князем Рюриком не сталкивался, но с одним из его дружинников общался. Благодаря ему на свободе оказался, и не только я. И в сражении был с ним вместе. Хороший воин – из наших, из бодричей. Доблесть у него в крови: в схватке – один из первых, за товарища готов жизнь отдать. Сманивал его Цедраг посулами, но остался он верен Рюрику. И милосердие ему не в тягость – сам видел. Если у князя такие люди в чести, то великое будущее его ждёт, ибо сила его в них. А если воинство не боится голову сложить за народ, то чего ещё думать-то? Вот решил к Рюрику податься, в дружину его. И не только я об этом думаю, но и многие из тех, кто со мной из плена вернулись.

– А где он, Рюрик-то? – заворожённый рассказом Корлина и бросивший из-за этого разгружать ладью, спросил Тыра.

– Да где же ему быть?! – усмехнулся Корлин. – У руян он живёт.

– Так руяны с лютичами заодно... – встревожился Войдан.

– Заодно... – согласился Корлин. – Но приветили Рюрика, не обидели. Всё-таки руяне славянской крови. И нет у них врагов хуже, чем даны и франки. Пойми – я же не воевать с ними собираюсь, а к Рюрику направляюсь, в дружину его. На двух драккарах датских я сюда вернулся, на двух драккарах и к нему поплыву.

– Отец, – радостно возбуждённый, с горящими глазами Тыра шагнул к Войдану, – отпусти меня к Рюрику! А ладью эту лучше Еловиту отдай.

Войдан от услышанной просьбы опешил, переводя взгляд от одного сына на другого, а затем вздохнул:

– Что ж поделаться!.. Вырос ты, и решай свою судьбу сам теперь. Так тому и быть... Ты уж, – обратился он к Корлину, – присмотри там за ним. Мало ли чего...

– Присмотрю, – кивнул головой Корлин.

– А ты, – Войдан строго посмотрел на Тыру, – отца с братом не забывай, да и совесть с честью не теряй! Понял?

– Понял, отец, – враз посерьёзней Тыра.

Глава 6

(819 г. от Р.Х.)

Солнце давно уже закатилось за горизонт, и в ночной тишине влажный и прохладный ветерок, дующий с моря, чуть шевелил волосы Милолики, которые пахли тмином и шалфеем. Оскол, уткнувшись в них лицом, с упоением вдыхал этот запах.

– Мне пора, – прижавшись щекой в грудь Оскола, нехотя произнесла девушка. – А то тётка Скрева ругаться будет – вставать надо рано.

– Сколько можно бояться? Ведь скоро женой мне станешь! – возмутился Оскол. – Бросай ты это княжеское подворье, да и пойдём ко мне – найдётся, где переночевать.

– Не пойду, – заупрямилась Милолика. – Чужой это дом. И так все бабы смеются – говорят, что ты, Оскол, с женой Остромысла спишь. Это правда?

Милолика посмотрела на него снизу вверх, и Оскол при свете луны разглядел ее горестный взгляд.

– Пусть свои языки о метлу почешут, говорят, помогает. Мелют, не знаю чего! Да, дом мне от Остромысла достался, но не мил он мне – бывшим хозяином пахнет. Да что же мне его жену с детьми выгнать что ли? Пусть живут. Вот построю собственный дом...

– Построй, любимый, построй! – Милолика чмокнула его в щёку. – Это наш дом будет. А сейчас не могу, – она отпрянула от Оскола и как козочка легко побежала по тропинке.

Оскол смотрел ей вслед, и в его груди учащённо забилося сердце. «Любимый, любимый... – вертелось у него в голове. – Всё-таки она меня любит». С этой мыслью он даже не заметил, как оказался у дома Остромысла. У ворот из темноты вынырнула небольшая фигура и остановилась в нескольких шагах.

– Кто это? – тоже остановился Оскол.

– Я это, – раздался жалобный голос, и Оскол узнал Билюда.

– Ты чего это, дед, по ночам не спишь и бродишь здесь?..

– Так это, Осколушка, – залебезил Билюд, – вот молочка тебе принёс, отведай...

– Чего это ты молоком меня начал угощать? Неспроста, ох неспроста... Говори, дед, чего тебе надо?

– Так это, Осколушка, ты не сердчай на меня старого. Ну, за прошлое... Не со злобы я...

– Было бы на что сердиться! Забудь, дед! – Оскол, было, шагнул дальше, но Билюд опять остановил его.

– Молочка-то возьми!

– Ну что ж, не откажусь, коль от доброго сердца...

– Ты это, Осколушка... – замялся Билюд.

– Ну, чего ещё?

– Возьми в свою дружину племяша моего. Без отца он рос, один он у матери. Трудно им, помогаю, как могу... Люди говорят, что удачливый ты в бою и воин умелый. Не пропадёт он с тобой...

– Это не от меня зависит, а от того, как он меч в руке держит.

– Так нет меча-то, да и учить его некому было. Мне что ли? Какой из меня учитель?! – жалостливо произнёс Билюд.

– Ладно, пусть утром приходит. И мечом научим владеть, было бы желание, – промолвил Оскол, отворяя калитку.

У крыльца, переминаясь с ноги на ногу, его ждал Желыба.

– А ты чего не спишь?

– Так тебя жду.

– Рюрик где?

– С вечера ко сну отошёл.

– Он спит, а ты нет. Ложись спать!

– Я бы лёг, да там к тебе пришли, Оскол, и ждут...

– Утром что ли нельзя было прийти?! – недовольно пробурчал Оскол. – Кто ждёт-то?

– Так эти, кто с нами вместе с данами сражался.

Открыв дверь в комнату, Оскол увидел сидевших за столом Корлина, Траскона и незнакомого юношу.

* * *

Князь Яромир глядел на стоявшего перед ним Остромысла:

– Выжил, значит? А мне весть пришла, что утонул ты в море.

– Брешут, князь.

– Брешут? – переспросил Яромир. – Ну-ну... Ты чего пришёл?

– Пришёл я спросить у тебя: как же так получилось, что даны с острова не уплыли? Ты же говорил, что все их воины ушли в набег на фризлов?

– Значит, обманули меня купцы, ладью которых мы переняли в море, – вздохнул князь. – Брата жалко. Хотел я его помощником в делах своих сделать, для этого и просил с собой взять – опыта воинского набраться. А видишь, как вышло!

После этих слов князь ударил ладонями себе по коленям:

– Ты садись! Чего стоишь, в ногах правды нет.

Остромысл присел на лавку перед князем, а Яромир продолжил:

– Почему с братом на данов так мало русичей пошло? Не знаешь? Почему обижаются на меня бывшие воины моего отца? Что не приблизил я их к себе?.. Да, не приблизил. А почему?.. А я скажу.

Князь встал и начал ходить по комнате, нервно размахивая руками:

– Разленились воины моего отца Руса. Тяжело им стало задницу с печки поднимать. Видишь ли – добра им хватает, сытые стали... А то, что даны стали безбоязненно на море хозяйничать, а?.. А то, что мурманы на своих ладьях тоже озоровать стали, и купцы наши с опаской стали в путь отправляться. Так торговля зачахнуть может. Откуда серебро брать будем? Ни во что нас, руян, не ставят.

Яромир опять сел на лавку и потёр ладонями лицо:

– Хотел я этим походом брата с русичами взбодрить, а не получилось. Вообще сникли, не надо им ничего, а сиднем сидеть нельзя! Бодричи нет-нет да и укусят вильцев, а там, за ними франки – сколько народа под себя подмяли! Об славян немного обожглись, но это пока. Я думаю, что не прекратят они эти помыслы свои. Остановить их надо, а кто остановит? Славомир у них в заточении, Цедраг – не лучше. Все помнят, что его отца не очень бодричи любили, а эта нелюбовь и на него перекинется. Все князья бодричей с франками душа в душу жили. Вот и получается, что кроме нас – руян и вильцев, франков остановить некому. А для этого сила нужна, мощь всех воинов. А русичи, видите ли, приморились, устали... А мне без них со всеми не сладить.

– Перед явной угрозой, князь, поднимутся.

– Успокаиваешь? – вскинул голову Яромир. – Ждать, пока она явной будет? На корню её изжигать надо, на корню... А как это сделать?

– Ну, я думаю, что покою им давать точно не надо: ни данам, ни мурманам, ни франкам...

Князь впервые улыбнулся:

– Хорошо, что хоть ты меня понимаешь! И хорошо, что боги помогли тебе выжить! Помощь мне твоя очень нужна будет. Ты не мог бы мурманов немного приструнить? А то полабские торговые люди теперь в путь только на нескольких ладьях собираются, а иначе никак. Нападают мурманы на одиноких. Ты со своей дружиной посопровождал бы их, а я в помощь дам две ладьи с воинами.

– Так нет у меня больше дружины, князь. Ни дружины, ни дома – ничего нет. Если бы Вратибор не пострадал!.. А так для всех я был зачинщиком похода на данов, мне и ответ держать пришлось. Теперь я гол как сокол!

– Так что же ты делать будешь? – нахмурился Яромир.

– Думаю, к Осколу податься. Семья моя у него. Да и дружина его не такая сытая, как русичи. А раз не сытая, так обязательно в набег соберутся, а я уж после этого как-нибудь и поднимусь – займею серебро.

– Да, дружина... – закивал головой князь. – К Рюрику, значит. Подрастает волчонок. Уже и зубы показывает. Видишь, – ухмыльнулся Яромир, – уже и дружина появилась. Вот теперь и думай, чтобы у них раздрай в умах не наступил, чтобы их помыслы на пользу руянам направить.

Князь внимательно оглядел Остромысла, а затем встал, подошёл к украшенному узорами сундуку и достал из него мешочек:

– Вот серебро, возьми! Ладью на него приобретёшь. Будет ладья – соберёшь и людей под свою руку. Ты воин знатный. К тебе люди потянутся... Хорошо, иди к Рюрику. Только помоги мне! Будь у него моими ушами и моим оком. Как бы супротив моей власти чего не замыслили!

Остромысл посмотрел на мешочек с серебром, а затем, не пошевелившись, перевёл взгляд на князя.

– Надеюсь Рюрика, как заматереет, на франков науськать, – продолжил Яромир. – Только бы в зверя не превратился раньше времени. Как бы его ручным сделать и послушным моей воле?

Остромысл протянул руку и забрал серебро:

– А ты, князь, жени его на своей племяннице Красимире – дочери Вратибора. Чай, не чужая она тебе... Вместо отца ты ей теперь.

– Так она же ещё в годы не вошла!

– Я же не предлагаю сейчас. Через три года ей тринадцать вёсен исполнится, и Рюрик возмужает. Как раз самое то...

Князь хмыкнул и криво усмехнулся:

– Дело говоришь. Не зря тебя Остромыслом кличут.

Покинув Яромира, Остромысл подошёл к своему бывшему дому. Едва скрипнув калиткой, от крыльца он услышал окрик:

– Ну, кто там ещё шляется?

Остромысл узнал голос Желыбы:

– Ты чего как домовою по ночам шастаешь? Не спится?..

– Остромысл, ты?.. Выплыл?

– Как видишь. Так ты чего не спишь-то? И с мечом... Чего опасаться?

– Так ведь гости у Оскола. Мало ли чего...

– Когда мне служил, меня так не охранял.

– К тебе, Остромысл, чужие не приходили, а здесь – бодричи!

– Бодричи? А семья моя где: жена, дети?

– Да где ж им быть?! В доме спят. Оскол ведь с Рюриком только две комнаты и заняли.

– Не обижал их, значит, Оскол! Ладно, иди, спи! Я здесь – ничего не случится.

Подойдя к двери, за которой слышались голоса, Остромысл услышал сзади шорох и заметил мелькнувшую тень. Он усмехнулся – все-таки не послушался его Желыба, и решительно открыл дверь.

Перед Осколом стоял Остромысл – живой и здоровый.

– Остромысл! Выплыл всё-таки? Герой! – бросился к нему Оскол и, обняв, повёл к столу.

– Не меня благодари, а вот его князя, – Остромысл направил свой взгляд на Траскона, садясь за стол. – Вернулись они и подобрали меня в море. Вовремя вернулись. Хоть твой бочонок, Оскол, и помогал мне держаться на воде, но уже застывать я начал.

– Не мой он князь больше, – хмуро сказал Траскон, уткнувшись взглядом в стол.

– Чего так? – Остромысл буквально сверлил его взглядом. – Ты же с ним к франкам направился.

– Ушёл я от него. Не дело бодричам под франков ложиться. Не по нраву это мне.

Остромысл повернулся к молодому парню:

– А это кто?

– Это Тыра – сын моего друга, с которым вместе не один ушат пота пролили и воевали не раз, – ответил Корлин, и Остромысл опять перевёл свой пронизывающий взгляд на Траскона да так, что тот возмутился:

– Что ты так на меня смотришь? Не веришь?

– А ты посуди сам! – Остромысл полез за пазуху, вытащил кошель и со звоном бросил его на стол. – Вот это серебро дал мне князь Цедраг, чтобы я убил Рюрика.

– Как? – дверь распахнулась, и в комнату влетел Рюрик. – Как он мог, ведь он брат мне?

– Рюрик! – расцвёл Траскон, а Оскол, наоборот, нахмурил брови:

– Подслушивал? Не дело, княжич, уподобляться старухе и подглядывать, и подслушивать.

– Не княжич я больше, а князь! Земля моего отца по праву мне принадлежит, а на всю землю бодричей прав у Цедрага не больше, чем у меня. С дружиной свои права защищу...

Оскол устало вздохнул:

– Сколько раз тебе я объяснял, что князем ты будешь, если народ тебя поддержит. А народ поддержит, если увидит, что ты горой за него стоишь. Да и дружина у нас маловата. Ну, чего стоишь? Садись, раз пришёл.

– Ты, Рюрик, близких-то слушай – они тебе зла не желают, – Остромысл смотрел на Рюрика, весомо выговаривая слова, – а остальных слушай с оглядкой. Не всё так просто в этом мире, и князем быть не просто.

Остромысл полез за пазуху и достал ещё один кошель:

– А этот кошель мне дал Яромир. Хочет, чтобы я ладью купил и дружину набрал, да за тобой, Рюрик, присматривал, чтобы ты на него косо не смотрел – опасается он чего-то тебя.

– Зачем тебе новая дружина? – воскликнул Оскол. – Бери под свою руку старую и дом свой забирай, раз выжил! Неуютно мне в чужом-то. Помогите мне лучше своё жильё построить. Я и жену туда приведу, и Рюрик в нём будет под моим присмотром.

– Возвращаешь, значит, мне всё? Не ошибся я в тебе – верил, что семья моя с тобой не будет бедствовать.

– А что ж ты, Остромысл, все помыслы князя своего выдаёшь? – укорил Траскон.

– Князя своего? – гневно взглянул на него Остромысл. – Своим князем для меня был Вратибор. А к этому я пришёл и спросил – зачем он на данов меня с Вратибором послал? Юлил, изворачивался. Скользкий, как мокрица. Князь!.. А меня на смерть послал вместе Вратибором. А зачем? Только из-за того, что боялся за свою власть. Понял я его. Он думал, что, убрав брата, все его воины опять встанут под руку князя. Ан нет – не вышло. Купить моё молчание хотел. И этот кошель – его плата. Поэтому и рассказал вам всё. И кошель вам отдаю.

За столом после его слов установилась тишина, и все смотрели на Рюрика, а тот, не понимая, переводил свой взгляд с одного на другого.

– А о чём до меня разговор вели? – наконец прервал молчание Остромысл.

– Траскон рассказывал, как франки живут, – ответил Оскол, – Корлин – как франки людей безвинных у вагров погубили. Думали мы, как франкам отомстить, да и данам не мешало бы.

– Ну и как живут франки, богато? – заинтересовался Остромысл.

– По-всякому живут... – Траскон поджал губы. – Некогда мне их богатство было рассматривать. А вот императора и свиту его я видел – те богато...

– И чего думать? – Остромысл радостно потёр ладони. – Давайте этим франкам отомстим, покажем, что славяне обиды не прощают.

– А ты думаешь, что Цедраг пропустит воинов через свои земли? – Траскон скептически поджал губы. – Да ни за что. Франки теперь у него покровители.

– А зачем нам так? – Остромысл загорелся идеей, и ему казалось, что добыча сама уже идёт ему в руки. – У нас ладьи есть. Нападём на побережье франков и побьём их. Можно и поглубже в земли пройти. Наши ладьи легки, по рекам поднимемся да и пощиплем там, где нас не ждут. А затем можно и на данов напасть.

Оскол несогласно помотал головой:

– Воевать с теми и другими у нас сил нет.

– Да и чтоб на франков с моря напасть, – поддержал его Траскон, – нужно мимо данов без потерь проплыть.

– А нельзя ли их сравить между собой? – Рюрик закрутил головой, ожидая ответа на свой вопрос. – Франков и данов?..

– Мимо данов проплыть спокойно можно, – неторопливо протянул Корлин. – Я сюда на двух драккарах приплыл, их впереди и пустим – пусть думают, что их соплеменники плывут.

– А что, правильно! – все также возбуждённо подхватил Остромысл. – И на носы наших ладей эти чудища недолго приладить.

– Рюрик правильно сказал, – Траскон заметил, как после его слов тот вспыхнул от радости. – Выдавать себя за славян нельзя, пусть думают, что даны напали. И на них мы нападать не будем, а вот на англоv – можно. Даны с англоv кормятся.

– В затяжные сражения нам нельзя входить. И задерживаться нельзя, – Оскол обводил взглядом присутствующих. – Наш успех в быстроте. Напали, побили франков и уплыли. Чуть задержимся – враз подмога им придёт, а у нас всё-таки воинов маловато.

– Русичей можно пригласить, – предложил Остромысл.

– Можно, – согласился Оскол, – но пойду к Крутославу я. У них к тебе, Остромысл, доверия после похода на данов нет.

– Боюсь, что тебя не послушают русичи, – Траскон скептически поджал губы. – Добычи на побережье мало добудешь.

– А зачем нам побережье? – Оскол внимательно всех оглядел. – Остромысл правильно сказал – по рекам можно подняться. А ещё... Остромысл, можешь ещё ладей достать?

– У Градомира пару могу взять и ещё кое у кого. Вместе с нашими с десяток наберётся.

– Вот! Да ещё у русичей ладьи. На каждую из ладей по два-три коня можно погрузить. А каждый конь двоих запросто довезёт. Представляете – врываемся по реке вглубь земли франков, на конях быстро обследуем округу, берём всё ценное и быстро уплываем. В неожиданно-сти и быстроте наше преимущество. И пусть потом франки на данов зубы точат.

Остромысл довольно осклабился:

– А ты, Оскол, хитёр! Никто ещё не додумывался коней на ладьи поместить. Я считаю, что ради этой задумки все русичи согласятся с тобой в поход идти.

За дверью раздался шум, потом она распахнулась, и в комнату влетел Желыба и упал на спину. За ним, чуть не снеся головой притолоку, ввалился здоровенный детина с мечом в руке и остановился в растерянности.

– Ты кто? – удивился Оскол.

– Я-то? Бермята, – добродушно улыбнулся здоровяк. – Мне маманя велела утром сюда прийти, а ей – дядька мой Билюд.

Оскол глянул в оконце – уже поднималась заря.

– Ты чего буянишь?

– А чего он? «Не пушу, не пушу!» – передразнил верзила Желыбу. – Раз Оскол сказал прийти, я утром и пришёл. Кто из вас Оскол-то?

– Я, – улыбнулся Оскол.

– Так мне, это, в дружину бы...

– Бери! – всё также улыбаясь, сказал Оскол. – Желыба, отведи его и выдай щит и копьё.

– Ты, это, меч-то свой забери! – Бермята протянул оружие поднимающемуся с пола Желыбе.

– Зачем такому копьё? – недовольно пробурчал тот, косясь на обидчика и забирая свой меч. – Такой и кулаком кого хочешь прибьёт. Пойдём!

– Да и меч не забудь выдать! – вдогонку им крикнул Оскол.

Остромысл оглядел развеселившихся этим забавным эпизодом:

– Так что? Когда в поход на франков пойдём?

Оскол помолчал, а потом медленно, веско произнося каждое слово, промолвил:

– Я думаю, что об этом шуметь не надо. Трубить об этом не следует. Подготовиться надо основательно. А пока Святовиту дары поднесём, дом мне построим и свадьбу сыграем. На свадьбу от русичей Крутослава приглашу, тогда с ним всё и оговорим. Наши ладьи более лёгкие, чем драккары, но всё же по рекам на них лучше плыть, когда они полноводные – по весне. Но, – Оскол внимательно всех оглядел, – зимой в море выходить – довольно чревато... Поэтому, –

он ещё раз на всех внимательно посмотрел, остановив взгляд на Рюрике, – предлагаю в путь отправляться сразу после свадьбы и перезимовать где-нибудь в укромном месте недалеко от франков.

– Что ж ты жену молодую после свадьбы сразу одну оставляешь? Разве помиловаться в досталь не хочется? – улыбнулся Корлин.

– Такова судьба жены воина, – серьёзно ответил Оскол. – Пусть привыкает.

Траскон глубоко вздохнул:

– Трудно будет найти вблизи франков укромное место. Уж больно заселено там всё. Да и франки могут заранее узнать про наше войско, а нам это ни к чему.

Рюрик, боясь, что ему не дадут высказаться, торопливо произнёс:

– Князь Яромир сказывал, что у англов много небольших королевств, и все они не очень ладят друг с другом. Он говорил, что некоторые из них чуть больше острова, где расположена Аркона – святилище Святовита. Может там поискать место для зимовки?

Траскон с гордостью посмотрел на отрока:

– Твой отец тоже отличался предусмотрительностью.

Остромысл радостно потёр ладони:

– У англов – так у англов... Всё равно к ним тоже собирались.

Оскол подвинул Остромыслу серебро, данное ему князем Яромиром:

– Закупи всё, что нужно для похода. Корлин тебе поможет. А я с Трасконом, – Оскол взял серебро князя Цедрага, – посещу Аркону и отдам это в дар Святовиту.

– Я с тобой пойду, – Рюрик дерзко взглянул на Оскола.

– Хорошо.

– Я с тобой пойду на франков, – всё также дерзко, ожидая, что Оскол будет перечить, повторил он.

– Молод ты ещё, – встревожился Траскон.

– Пусть идёт, – согласился Оскол. – С нами он будет более в безопасности, чем когда останется один. Видите – что кругом творится?!

– Тогда так! – Остромысл хлопнул ладонью по столу. – Готовимся к походу скрытно, никому заранее о сроках не говорим. Мало ли что!.. Узнают об этом все в день выхода в море, в том числе и недруги. Я не хочу терять Рюрика, как потерял Вратибора.

Рюрик глянул на Остромысла, и впервые отрок понял, что закончилось его детство.

Глава 7

(819 г. от Р.Х.)

Совсем ещё молодой, переживший всего двадцать зим, но уже успевший отличиться в битвах конунг свеев Харальд Клак самодовольно оскалился и оглядел своих воинов-викингов. Отчаянной храбрости, не имевшие ни кола ни двора и жившие только за счёт захваченной добычи они были спокойны, а некоторые даже веселы, потому что безоговорочно доверяли своему удачливому предводителю. За последнюю неделю свеи смогли перехватить четыре торговых судна славян, направлявшихся из моря в Ладожское озеро. Всех людей безжалостно порубили, всё, что считали ценным, забрали, а ладьи, пробив дно, потопили за ненадобностью.

Место для этого хищного промысла было замечательное. Река, несущая воды Ладожского озера в море, была не длинна, но полноводна, неводом протянувшись между двумя водными стихиями. Не поэтому ли славяне и местные жители, довольно редко встречающиеся в этих глухих заболоченных краях, называли её Нево-река? Другого пути для франкских или полабских купцов нет, если они направлялись торговать к славянам, хазарам или далёким арабам с целью заполучить так ценимое арабское серебро. Две ладьи Харальда, похожие на драккары данов, только более лёгкие и поэтому обладавшие меньшей осадкой, стремительно выскаки-

вали из-за поворота реки, покрытого лесом, и, на вёслах, легко настигали медленно плывущие против течения суда чужеземцев.

Харальд скалился не без причины: очередная, пятая по счёту ладья, показавшаяся вдали и плывшая по течению реки со стороны Ладожского озера, становилась всё ближе и ближе. И пусть его драккары, не скрытые берегом, были хорошо видны издали, конунг считал, что и это очередное судно станет его добычей. Харальд зычно крикнул и махнул рукой. По его команде воины налегли на вёсла, и два корабля викингов стремительно побежали по волнам навстречу купеческой ладье.

Новгородец Владияр на небольшой своей ладье направлялся к бодричам в Старград. Этот город часто посещали купцы франков, и именно им он вёз на продажу пушнину. Товар был разный: и неповторимый по своему окрасу мех рыси; тёплый, с жёстким подшерстком мех куницы; густой мех соболя с вкраплениями седины и подшёрстком, переливающийся голубым оттенком. Но особой ценностью среди франкских купцов считались мягкие белоснежные шкурки горностая. Франки не стояли за ценой и брали их нарасхват, несмотря на то, что их ворс был не очень прочным и быстро линял.

Четверо поручных Владияра сидели на вёслах и чуть шевелили ими, позволяя реке самой нести ладью по течению к морю. А там, поставив парус, при хорошем ветре они почти за десять дней могли достичь искомой цели. Гребцы, сидя спиной по направлению движения, не видели стоявшие вдали у берега драккары. Владияр заметил их давно, но понял, что это разбойники, только когда они направились в его сторону.

– Мурманы! Поворачивай! – дико закричал Владияр. – К берегу правь!

Ладью развернули, и гребцы налегли на вёсла так, что у них от напряжения на шеях выступили жилы. Славяне старались изо всех сил, пот градом катил по их лицам. Земля приближалась, но приближались и свеи. Среди зелёной стены кустарника мелькнуло похожее на узкий залив устье маленькой речушки с такими же заросшими берегами.

– Стемид! В речку давай, в речку! – гаркнул Владияр, поглядывая на догонявших.

– Застрянем!

– Правь, тебе говорят!

Ладья славян с разгону влетела в узкую протоку, и после первого же поворота, скрывшего славян за кустами, Владияр достал колчаны со стрелами:

– Балша, Мишата, на берег! Не подведите, родимые! Отвлеките, задержите! И сломя голову на рожон не лезьте – живыми останьтесь!

Мишата и Балша прыгнули за борт и, держа лук и стрелы над головой, по грудь в воде побрели к суше.

– Путарь, – Владияр повернулся к третьему, – а ты уж, голубчик, давай на другой!.. Выследи главаря у них, не промахнись, постарайся!

Путарь разухабисто свистнул и ухмыльнулся:

– Не промахнусь! Сейчас они на себе почуют нашу новгородскую удаль.

– Ты, это, не мудри! Своё ухарство брось! Живым возвращайся!

– Да ладно! Что я – лапоть что ли? Не впервой, вернусь.

Он тоже прыгнул в воду и скрылся на противоположном берегу. Оставшись вдвоём, Владияр и Стемид сколько возможно гребли вверх по речке, пока днище ладьи не уткнулось в мель. Тогда они подтащили ладью под куст, ветки которого свисали над водой, и, прислушиваясь, замерли.

– Что делать-то будем, Владияр? – тихо спросил Стемид, настороженно озираясь по сторонам.

– Мурманы сюда вряд ли доберутся, мелкозато здесь. Мужиков наших ждём да ночи, а там – боги нас надоумят и что-нибудь придумаем, – так же тихо ответил Владияр. – Ночи белые, светлые, много чего сделать можно.

Ладья свеев влетела следом за славянами в устье речушки и остановилась: длинные вёсла цеплялись за кусты и не позволяли плыть дальше. Харальд победоносно вскинул голову:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.